16+ ИНФОРМАЦИЯ К РАЗМЫШЛЕНИЮ

ПРИЛОЖЕНИЕ

ИЮНЬ 2020

№6/113

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

ГРОБНИЦА КОРОЛЯ СИТЦА

БРИЛЛИАНТЫ ДЛЯ НОМЕНКЛАТУРЫ

ДЕВИЦЫ ДЛЯ ЕГО ПРЕВОСХОДИТЕЛЬСТВА

АРЕСТ ТРОЦКОГО

А БЫЛ ЛИ ФЕЛИКС ЖЕЛЕЗНЫМ?

АРГОНАВТЫ XXI ВЕКА

ЧЕМ ЛЕВШИ ХУЖЕ?

САХАРОВ. Главное испытание

Мало кто сегодня помнит, как и почему Андрей Дмитриевич САХАРОВ, гениальный создатель самого разрушительного из ныне известного оружия, обласканный Системой обладатель всех возможных советских званий и регалий отказался от всего во имя своих убеждений. И во имя своей страны. И почему она, эта страна, отказалась от своего гения

в спецвыпуске

СЕКРЕТЫ ИСТОРИИ

Гробница короля ситца

ПРОМЫШЛЕННИК ДМИТРИЙ БУРЫЛИН, СДЕЛАВШИЙ МНОГОЕ ДЛЯ РОДНОГО ГОРОДА, УНЕС С СОБОЙ В МОГИЛУ ТАЙНУ СВОИХ СОКРОВИЩ

Сергей МАКЕЕВ

Мы знаем немало имен российских меценатов конца XIX – начала XX века, но в основном столичных. Однако бескорыстные благотворители и меценаты были повсюду. Помню, еще в советские времена я слышал в Иванове легенды об основателе главного местного музея Дмитрии Геннадьевиче Бурылине. Книг и вообще публикаций о нем тогда не было, власти не хотели популяризировать личность выдающегося мецената-фабриканта. Вот и передавались из уст в уста рассказы – частью правдивые, частью фантастические. Толковали о подземном ходе между домом Бурылина и музеем; о египетской мумии, которую по заданию Бурылина тайно вывез из Египта какой-то студент, чуть ли не под койкой в каюте, а потом скончался от загадочной болезни; о спрятанных где-то бурылинских сокровищах. Не все о нем известно до сих пор.

Дедовская закваска

22 февраля 1860 года Диодор Бурылин вез знаменитые ивановские ситцы на ярмарку в Ростов. Густые леса обступали дорогу. Скрипели полозья саней. Обоз с натугой взбирался в гору. Впереди ехал хозяин в легких санях, на подъемах он намного опережал обоз и скрывался из виду за горой.

Стар уже был Диодор Андреевич по ярмаркам мотаться, за семьдесят перевалило, да что ж поделаешь? На сына Геннадия давно надежды не было, а внуки еще малы.

Старообрядцы Бурылины из села Иваново Шуйского уезда были крепостными графа Шереметьева и с давних пор занимались ткачеством. Потом освоили набойный промысел, то есть «набивали» рисунок с резной доски на льняной холст, затем и на хлопчатобумажную ткань. Диодор смолоду все умел делать сам – работал и набойщиком, и резчиком, и красковаром, сам изобретал «красочные секреты».

После московского пожара 1812 года, когда сгорели почти все мануфактуры, дела ивановских набойщиков пошли в гору. Ситец был тогда материалом новым, модным, а узоры радовали глаз. Из ситца шили одежду люди всех сословий, он употреблялся на платки и скатерти, шел и на мебельную обивку. Его закупали и дворяне, особенно для восстановления усадеб после наполеоновского нашествия. Село Иваново и Вознесенский Посад постепенно превращались в «русский Манчестер» – будущий город Иваново-Вознесенск. Диодор Бурылин построил каменную ситценабивную фабрику, затем и заварку – производство красок. Доходы росли, и в 1831 году крепостной мужик Бурылин получил наконец вольную от графа Шереметьева: выкупил себя с семьей за огромные по тем временам деньги – свыше 20 тысяч рублей!

«Русский Манчестер» поднялся на раскольничьей закваске. Все почти ситцевые короли были староверами, да и многие рабочие на их фабриках крестились двумя перстами. Позднее фабриканты строили для них добротные общежития, открывали дешевые столовые, предоставляли разные льготы. Православные не всегда выдерживали конкуренцию с раскольниками. Трудолюбие старообрядцев тесно переплелось с их убеждениями: они верили, что Божью благодать можно заслужить добросовестным трудом, он признавался священной обязанностью человека, сотрудничеством Богу, вечному Творцу. Кроме того, староверы в подавляющем большинстве не курили и в рот не брали хмельного. В промышленно развитых районах раскольники прекрасно вписывались в индустриальное общество, зачастую и лидировали во многих отношениях.

Диодор Андреевич совершенствовал производство, сбывал товар на ярмарках в разных городах и в самой Москве. Росли бурылинские капиталы, появился у него каменный дом с садом. Но не только о выгоде радел Диодор – он принимал участие в создании народного театра, вместе с другими купцами и промышленниками выстроил Единоверческую Благовещенскую церковь (своего рода уния старообрядчества и православия). Позднее пристроил рядом с церковью богадельню для престарелых бедняков и полностью содержал их.

В своем сословии купцов и промышленников Диодор Андреевич был выдающимся человеком: имел небольшую библиотеку, выписывал газеты и журналы, собирал старинные книги и другие редкости. Если и была страсть у этого старообрядца, так это коллекционирование. И он с удовлетворением замечал, как горят глаза у внука Дмитрия при виде собранных им древностей.

А вот сын... Кутежи, скандалы, долги. Лодырь и гуляка – такая редкость в старообрядческой семье! Геннадий сам уже отец пятерых дочерей и двоих сыновей, а вот поди ж ты! Видно, утомился Господь на Бурылиных-тружениках и решил отдохнуть на Геннадии. На внуков одна надежда, мальчишки славные: Николаю шестнадцать, Дмитрию четырнадцать, а оба уже работают на фабрике простыми набойщиками. Как он, с азов дело постигают. Для них бы капитал сберечь.

Диодор Андреевич крепче обнял ларец с деньгами и ценными бумагами и уснул под скрип полозьев и мерный звон бубенцов. Он не видел, как на дорогу из-за сугроба выскочили разбойники. Один схватил лошадей под уздцы, другой свалил ямщика ударом дубины. Атаман рванул ларец из рук седока, да не тут-то было – старик держал его цепко. Просвистел разбойничий кистень, гирька ударила в седой висок. Когда подоспели обозники, Диодор Андреевич Бурылин был уже мертв.

Последнее наставление

Кроме обычного завещания, дед оставил потомкам наставление. Внук часто перечитывал его, и всегда со слезами на глазах.

«Жить не от нас зависит, а хорошо жить от нас зависит», – писал дед. И пояснял, что означает «хорошо жить»:

«Познания свои должно употреблять на истинную пользу и благо своих ближних и Отечества. Доверчивость качество благородное и великодушное, существует в одних чистых душах. Доверчивые люди бывают иногда обмануты, но те, кои проводят жизнь в недоверчивости, находятся беспрестанно в жалостном состоянии. Надежда на Бога есть лучшая подпора в жизни. Несчастия научают нас благоразумию».

Дмитрий Бурылин всю жизнь следовал дедовским заветам. И вот он уже сам в возрасте деда Диодора. Он доверял людям, сделал им много добра. Его часто обманывали – и люди, и судьба. Бурылин, бывало, гневался, однако был отходчив, всем прощал. Но теперь он кругом обманут. Его фабрики теперь ему не принадлежат. Его город теперь для него чужой, непонятный, жестокий. Он чувствовал, что скоро и в созданный им музей будет входить по билетику, как обычный посетитель.

Бурылин всегда был некрепкого здоровья, несколько раз писал «духовную», то есть завещание, так что мысли о смерти стали для него привычными. «Жить не от нас зависит», – помнил он. Ныне ему предстояло подготовиться к загробной жизни, «где нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания, но жизнь бесконечная». Он все чаще останавливался у саркофага с египетской мумией, перебирал знаки масонских лож, вчитывался в тексты старопечатных церковных книг и в древние рукописи. Решение пришло само собою.

Три дороги к храму

В судьбе Дмитрия Геннадьевича Бурылина тесно переплелись три вида деятельности. Он был крупным промышленником. Он был щедрым благотворителем и горячим патриотом своей малой родины Иваново-Вознесенска. Но больше всего он известен как коллекционер и меценат. При этом, в отличие от большинства меценатов, он не просто инвестировал, как теперь говорят, в культуру, но и сам осуществлял свои проекты: организовывал выставки, строил музей. «Музей – это моя душа, а фабрика – источник средств для жизни и его пополнения», – говорил Бурылин. Именно Дмитрию досталась собранная дедом коллекция.

Но надо было в первую очередь позаботиться об источнике, который после краткого хозяйствования отца, непутевого Геннадия Диодоровича, почти

Образец мебельного ситца из собрания Д. Бурылина. Эта коллекция положила начало уникальному Музею ивановского ситца.
Слева: Дмитрий Геннадьевич Бурылин (с портрета М. Тульева, 1911 год).

иссяк. Молодые, инициативные братья Николай и Дмитрий принялись спасать родовое дело. Поначалу старший брат Николай управлял ситценабивной фабрикой, а Дмитрий – заваркой, производившей краски. Но вскоре Николай женился на дочери крупнейшего ивановского фабриканта Куваева и стал совладельцем и управляющим еще более мощного предприятия. С этих пор в руках Дмитрия сосредоточилось все бурылинское дело.

Он непрерывно строил и переоснащал производство, брал в аренду и выкупал новые фабрики. Наконец он построил и оснастил современным оборудованием ткацкую фабрику, замкнув тем самым полный цикл производства и окрашивания тканей. Техника ручной набойки тканей сменилась печатными машинами. И тем не менее дело иногда было на грани краха: в 1880 году взорвался котел на красильной фабрике, возник пожар, почти полностью уничтоживший ее; через десять лет сгорела новая текстильная фабрика; еще через пять произошел взрыв и пожар на хлопкоочистительной фабрике. Несмотря на огромные убытки, Бурылин вновь отстраивал и оснащал производства, осваивал изготовление новых видов тканей, в том числе трикотажа и шелка. Изделия его фабрик постоянно получали золотые и серебряные медали на всероссийских и международных выставках.

Условия работы на бурылинских фабриках были не лучше и не хуже, чем на других иваново-вознесенских мануфактурах. На работу принимали с 15 лет, рабочий день для всех был 13 часов, зарплата для мужчин колебалась от 8 до 15 рублей в месяц, для женщин и детей – 6 рублей.

В числе первых промышленников Бурылин понял выгоду военных поставок и начал производить хлопчатобумажное сырье для пороховых заводов, шелк для артиллерийских зарядных картузов, марлю и вату для госпиталей.

После окончания Русско-японской войны прибыль фабрик Бурылина значительно сократилась, усиливалась конкуренция с другими иваново-вознесенскими текстильщиками. Бурылин обьединил семейные средства и в 1909 году создал «Товарищество мануфактур Д.Г. Бурылина» с основным капиталом 750 тысяч рублей. Дмитрий Геннадьевич передал в собственность товарищества не только фабрики, но и приобретенные в разное время дома и участки земли в городе и за его пределами. Естественно, он стал и учредителем, и председателем совета директоров товарищества. Незадолго до Первой мировой войны основной капитал товарищества составлял уже полтора миллиона рублей, а годовая производительность – два с половиной миллиона.

Рост впечатляющий, но при этом Д.Г. Бурылин был далеко не самым богатым фабрикантом Иваново-Вознесенска. Товарищество Ивана Горелина с сыновьями, например, превосходило бурылинское в три раза по основному капиталу и в шесть раз по годовой производительности. Однако никто так много не отдавал на благоустройство города, на помощь нуждающимся, на духовные потребности сограждан, как Дмитрий Бурылин. Старший брат Николай с супругой Надеждой Харлампиевной прославились благотворительностью, построенная ими Куваевская больница была в числе лучших в провинции. Супруги первыми стали почетными гражданами города из купеческого сословия, а Надежда Харлампиевна к тому же первой среди женщин удостоилась такого звания.

Двадцать восемь лет подряд Дмитрий Геннадьевич Бурылин избирался гласным городской Думы Иваново-Вознесенска, был попечителем больниц, училищ и гимназий – вплоть до сельской церковно-приходской школы. И не только попечительствовал, но и постоянно жертвовал немалые средства. Не отказывал и единичным просителям – художникам, ученым и вовсе незнакомым людям. Вот запись Бурылина от 1915 года: «Пожертвовано разным лицам – 2065 рублей». Доверие к нему было столь велико, что его просили быть душеприказчиком, заведовать наследственными капиталами, осуществлять опеку над сиротами. Всего он занимал различные должности в 57 городских и общественных учреждениях. Один, на собственные средства, устроил в центре города бульвар, где по воскресеньям играл духовой оркестр. Был одним из спонсоров и попечителей нового реального училища. Благодаря хлопотам Бурылина сохранилась деревянная Успенская церковь, построенная еще в XVII веке, которую городские власти захотели снести. Перенос церкви на другое место, ее реставрация и строительство школы при ней – все это было сделано на средства Бурылина.

Д.Г. Бурылин первым начал собирать материалы по истории Иваново-Вознесенска и развитию местной промышленности. Он мечтал издать книгу о родном городе. Заключил договор с учеными разных специальностей, выплатил авансы, предоставил редкие материалы. Однако только историк Токмаков усердно трудился, остальные коллеги не выполнили своих обязательств. Книга так и не была издана. И все равно Бурылин безотказно знакомил всех интересующихся со своей коллекцией, предоставлял печатные материалы. Многие пользовались полученными у него сведениями, но мало кто упоминал источник.

Первая мумия

Дмитрий Геннадьевич Бурылин не получил образования, кроме уроков домашних учителей. Но его огромная любознательность, природный ум и интуиция помогали ему разбираться в истории, археологии, искусствоведении – не по учебникам, а, так сказать, на практике. Ему все было интересно, поэтому его собрание составилось из множества коллекций: этнография, живопись и скульптура, прикладное искусство, оружие, монеты и медали, старинные книги и рукописи. В каждой были и подлинные шедевры; некоторые из коллекций – например масонская и, разумеется, текстильная – уникальны в целом. Бурылина еще при жизни упрекали за такое разнообразие интересов, зато потомки должны быть ему благодарны: он создал «музей обо всем», что особенно важно для провинциального города, где музеев не так много, как в столице.

Он собирал свои коллекции и в России, и за границей: побывал почти во всех странах Европы, в Турции и Египте. Там, в Каирском археологическом музее он и приобрел мумию в саркофаге. Оформление сделки и доставка мумии были поручены гиду и переводчику в этой поездке – студенту Киевского университета Александру Левину. Вопреки расхожим легендам, приобретение и транспортировка мумии были осуществлены законным путем, хотя и с большими трудностями. Но сам экспонат был настолько экзотичным, что породил множество домыслов. В то время это была единственная египетская мумия, доставленная в Россию.

Для пополнения собрания и консультаций Бурылин встречался и переписывался с выдающимися личностями, например с директором Исторического музея князем Н.С. Щербатовым, с меценатом и владельцем литературно-театрального музея А.А. Бахрушиным, с основателем Музея изящных искусств в Москве профессором И.В. Цветаевым, с историками Г.В. Вернадским и В.Е. Тарле. Позже он советовался с Л.Н. Толстым об устройстве читальни в Иваново-Вознесенске, не раз поставлял в Ясную Поляну ткани для бедных детей.

В отличие от многих собирателей, которые занимаются коллекционированием «для души», но исключительно собственной, Бурылин изначально собирал свой будущий музей для всех. Еще в 1896 году он завещал свое собрание родному городу: «Означенное собрание впоследствии должно быть достоянием города Иваново-Вознесенска и никогда не должно быть распродано или расхищено (приобреталось оно с большой нуждой и трудами)». Последние слова – не преувеличение, домочадцы Бурылина действительно порой затягивали пояса из-за очередного приобретения отца. Он даже просил у родных прощения за свои непомерные расходы, устно и в завещаниях, но, слава богу, семья разделяла благородные устремления Дмитрия Геннадьевича.

Поначалу экспонаты хранились в подвале его большого дома. С 1887 года Дмитрий Геннадьевич начал принимать участие в различных выставках: в Москве, Санкт-Петербурге, в Нижнем Новгороде, в Чикаго. Трижды на его выставках побывал император Николай II и с похвалой отозвался о деятельности иваново-вознесенского мецената. Проходили выставки и в родном городе, интерес к ним был такой большой, что Бурылин открыл для посещения подвал собственного дома. Разумеется, помещение было не приспособлено для музейных целей. Дмитрий Геннадьевич решил строить здание музея – на собственном участке земли, напротив своего дома. Дом и музей, действительно, соединил подземный переход, он не был причудой хозяина, это было чисто практическое решение.

Торжественное открытие музея состоялось 26 декабря 1914 года. Было произнесено немало торжественных речей, прозвучало много горячих благодарностей. Но музей открылся для посетителей, и Бурылин остался один на один со всеми музейными трудностями и, как прежде, с огромными тратами. С одной стороны, его труды были оценены по достоинству: он стал потомственным почетным гражданином города, получил золотые и серебряные медали, орден святого Станислава II степени. Однако помощников как не было, так и не появилось. Только «вечный студент» Тарабукин самоотверженно трудился рядом с Бурылиным с 1892 года, пока его не призвали на Первую мировую войну, а в 1915 году он погиб.

Поначалу экспонаты хранились в подвале его большого дома. С 1887 года Дмитрий Геннадьевич начал принимать участие в различных выставках: в Москве, Санкт-Петербурге, в Нижнем Новгороде, в Чикаго.

Награда от большевиков

Бурылины не вмешивались в политику. Потомки раскольников уже давно не были оппозиционной силой, но и любить власть им было не за что. Все, чего они добились, было нажито своим трудом, не благодаря, а часто вопреки существовавшим порядкам. Большинство фабрикантов-старообрядцев терпимо относились к рабочему движению: они признавали право трудящихся обсуждать и отстаивать свои интересы. А ведь в то время в России даже профсоюзы были запрещены. Забастовок и стачек фабриканты не одобряли, но и к властям не обращались, старались сами договариваться миром. Может быть, эти исключительные для России отношения между хозяевами и рабочими стали питательной средой для возникновения первых Советов именно в Иваново-Вознесенске. Полиция и жандармерия боролись с «беспорядками», разумеется, своими методами.

Дмитрий Геннадьевич интересовался не только стариной, но и современностью. В частности, он собирал нелегальную печать в период революции 1905 ▶

года. Об этом стало известно жандармерии, и к Бурылину нагрянули с обыском. Дмитрий Геннадьевич пытался объяснить, что это не «пропагандистские материалы», а экспонаты для истории. Несмотря на его протесты, всю коллекцию изъяли. В тот же день Бурылин выехал в Москву, пробился к генерал-губернатору и жандармским генералам, хлопотал о возвращении изъятых материалов. Вернулся довольный, с опечатанным ящиком. Его выдали Бурылину под расписку, в которой он обязался никому не показывать содержимое ящика, даже не говорить об этом. Распиской дело не ограничилось. «Все это влетело мне в копеечку, – признался коллекционер. И добавил: – Ничего, время может перемениться, и то, что сейчас запечатано, станет явным». Время, действительно, скоро переменилось. А жить в эпоху перемен – не приведи Господи! Бурылины встретили падение самодержавия с восторгом, казалось, наступает новая эра. Как промышленники, Дмитрий и Николай Геннадьевичи надеялись на выход из экономического кризиса, порожденного бесцельной войной. Но, увы, война затягивалась, новая власть бездействовала, а развал промышленности, транспорта, всего хозяйства продолжался. Дмитрий Геннадьевич Бурылин всерьез опасался за сохранность музея и экспонатов – часто не было света и тепла, не было и надлежащей охраны.От городских властей Бурылин не получал никакой поддержки. Теперь он видел спасение в том, чтобы передать музей и собрание какому-либо научному учреждению, например Академии наук. Но его переписка с академией прервалась сама собой: грянул октябрь 1917 года.

Новые власти на словах признавали заслуги Бурылина, а на деле в 1919 году была национализирована фабрика, а за ней и музей. 6 июля его открыли сызнова как Иваново-Вознесенский губернский краеведческий музей, без упоминания имени создателя. Только председатель Иваново-Вознесенского губисполкома М.В. Фрунзе заступался за старика, благодаря его поддержке Бурылин стал совслужащим – главным хранителем музея. Фрунзе и потом вспоминал о Бурылине, однажды прислал с Туркестанского фронта вещи из личного реквизита эмира Бухарского, в том числе бухарский халат для восточной коллекции.

Муниципализировали и дом Бурылина. Сначала оставили ему с женой, детьми и внуками несколько комнат и самую необходимую мебель. А потом и весь дом забрали под учреждения. Бурылины перебрались в дом зятя. Дмитрий Геннадьевич поддерживал, как мог, брата Николая – у того не было ни зарплаты, ни пенсии. Правда, в родовом доме у главного хранителя оставалось подвальное помещение, где коллекционер составлял описания экспонатов. В конце 1923 года кто-то донес, что хранитель укрывает у себя вещи, принадлежащие музею. Сотрудники ГПУ обыскали служебное помещение и обнаружили там часть нумизматической коллекции – Бурылин как раз проводил ее систематизацию. Хранителя обвинили в том, что он ворует – видимо, у самого себя. Посадить не посадили, а грязи вылили немало. Вскоре Бурылина отстранили от должности.

Бурылин первым начал собирать материалы по истории Иваново-Вознесенска и развитию местной промышленности. Он даже мечтал издать книгу о родном городе

Проект герба Иваново-Вознесенска. Он не был утвержден, поскольку геральдические правила запрещали изображать на гербах промышленные и технические символы

Жить стало незачем. 13 сентября 1924 года Бурылин скончался.

Его похоронили по старообрядческой традиции не в дощатом гробу, а в колоде, выдолбленной из цельного ствола дерева, на кладбище при Благовещенской единоверческой церкви, построенной дедом. Но лежал ли Дмитрий Бурышин в той колоде?

В очерке о поэте Николае Рубцове я писал, что русское представление о смерти сродни древнеегипетскому: важно, чтобы что-то осталось – тело, гроб, могила, крест: тогда возможна иная жизнь. Я тогда не предполагал, что найду подтверждение этому в судьбе Бурылина. Благотворитель и меценат, так много сделавший для своего города и земляков и потерявший все, рассчитывал только на посмертное воздаяние. Но, обманутый и оклеветанный, мог ли он рассчитывать, что не будут разграблены и осквернены его могила, гроб, тело? Ивановский ученый А.М. Беневоленский считал, что в последние годы жизни Д.Г. Бурылин всерьез интересовался способами сохранения тела нетленным. Беневоленский был первым исследователем египетской мумии, хранящейся в музее, переписывался с дочерью Д.Г. Бурылина и будто нашел подтверждение такой версии. Однажды из глухого сибирского села Бурылину привезли гроб-колоду, своего рода саркофаг, выстеленный травами, на них лежала мумия – это была женщина, явно славянка. Доставивший мумию человек рассказал, что в их краях есть люди, знающие секрет «нетленности». Вскоре к Бурылину приехали два сивых мужика, они привезли колоду из ствола сибирской лиственницы и травы. Они готовили для Бурылина особые травяные отвары, старик пил их и почти ничего не ел. В последние дни он словно светился изнутри. Мужики вырыли в тайном месте глубокую как колодец могилу. Туда и опустили две колоды – одну с умершим Д.Г. Бурылиным, другую с мумией славянки.

А кого же похоронили на кладбище?

Давний друг нашей семьи, известный ученый и писатель Станислав Григорьевич Смирнов, не раз встречался и подолгу беседовал с бывшим чекистом А.Х. Медниковым. Он признался, что слухи о «бурылинских миллионах» не давали ему покоя. И он почему-то решил, что Бурылин унес с собой в могилу бриллианты – проглотил или спрятал в гробу. Чекист добился эксгумации. Когда же колоду вскрыли, обнаружили не «бриллианты для диктатуры пролетариата», а тряпичную куклу вместо трупа. Правда, нет ли? Если правда, то всеми обманутый Бурылин на этот раз обманул всех, кроме самых близких, посвященных в его тайный замысел. Бесспорно одно: жизнь Бурылина продолжается в жизни его музея. В ней тоже были невосполнимые потери. Некоторые экспонаты утрачены, другие уничтожены, как, например, бронзовые бюсты российских императоров. Часть коллекций была отправлена в другие музеи: масонская – в Эрмитаж, восточная – в московский Музей искусств народов Востока, античная – в музеи Крыма, разрушенные и разграбленные нацистами во время войны. Все это обеднило бурылинский музей, но не умалило его огромного культурного значения. Наконец и знаменитая мумия вместе со всей египетской коллекцией была передана в Художественный музей города Иваново. Исследования мумии на этом прекратились. Достоверно было установлено лишь, что это мумия египтянки. Однако сотрудники музея рассказывают, что на самом деле Д.Г. Бурылин приобрел и вывез из Египта две мумии: одна была в хорошем состоянии, пригодном для экспонирования, другая значительно хуже. Ее спрятали в специальном хранилище, вход со временем был замурован. Эта тайна еще ждет своего исследователя.

Прошли десятилетия, и музей вернул себе имя создателя, теперь это Ивановский государственный историко-краеведческий музей имени Д.Г. Бурылина. В вестибюле посетитель вновь может прочесть памятную надпись, сделанную в 1915 году.

Музей промышленности и искусства, собрание древностей и редкостей. Построен Дмитрием Геннадьевичем Бурылиным для общаго пользования в память его дедушки Диодора Андреевича Бурылина.

По правде говоря, следовало бы вернуть музею экспонаты и целые коллекции, розданные по произволу чиновников в другие музеи. Эрмитаж и московские музеи не обеднеют, музеи Крыма давно восстановлены и пополнились собственными археологическими редкостями, а целостность собрания Д.Г. Бурылина будет восстановлена. Если мы настойчиво требуем возврата художественных ценностей от других государств, почему не восстановить справедливость у себя дома?

Мужики вырыли в тайном месте глубокую как колодец могилу. Туда и опустили две колоды – одну с умершим Д.Г. Бурылиным, другую с мумией славянки.

Бриллианты для номенклатуры

ОТНОШЕНИЯ ГОСУДАРСТВА И ЦЕРКВИ НА РУСИ НИКОГДА НЕ БЫЛИ БЕЗМЯТЕЖНЫМИ

Вячеслав КОСТИКОВ

В долгой череде замирений и соперничества между церковью и государством историки вспоминают времена правления Ивана Грозного. Великий строитель Руси князь Василий III при всей своей богобоязни не побоялся заточить митрополита Варлаама в монастырь, когда тот стал перечить ему.

Не церемонился с церковью и Пётр I, особенно с церковными богатствами. Монастырский приказ стал фактически полным хозяином церковного имущества. Довольно широко известен факт переплавки Петром церковных колоколов на пушки. Но менее известно, что Пётр непосредственно финансировал армию за счет церкви. Из ее средств ежегодно отпускалось 15 000 рублей на содержание одного пехотного полка и 17 000 рублей на Артиллерийский приказ.

Не слишком стеснялся в своих финансовых взаимоотношениях с церковью и Пётр III, при котором началась, правда еще в ограниченных масштабах, секуляризация (отчуждение в пользу светской власти) обширных монастырских земель. Но самую решительную экспроприацию в отношении церкви провела императрица Екатерина II.

Епископы и архимандриты теперь полностью зависели от государства. Огромные, веками накопленные богатства Русской православной церкви широкой рекой перетекали в карманы высшего дворянства.

Стали преданием времена, когда монастыри вели крупную торговлю хлебом, медом, пенькой… Монастыри теперь жили главным образом торговлей «благодатью», а приходские священники – за счет платных церковных треб: крещений, венчаний, похорон, панихид, молебнов и т.д. Но, учитывая, что в России были десятки миллионов верующих, все эти копейки и гривенники в конечном счете приносили немалые доходы.

Богоборческий молот

До самой революции церковь, особенно в крупных городах, сохраняла весь свой традиционный блеск и благолепие. Однако «паразитизм» церкви, о котором так много шумел впоследствии большевистский журнал «Безбожник», был преувеличением, если не сказать искажением реальной картины. Состав высшего духовенства не идет ни в какое сравнение с мощью партийной номенклатуры не только времен Брежнева, но и нынешней. На всю Россию было всего 148 архиереев.

Что касается приходских священников в малых городах и в сельской местности, то их образ жизни мало чем отличался от жизни городских обывателей или крестьян. Приходской священник до революции получал 100 рублей в месяц, а псаломщик чуть более 30 рублей, что обеспечивало лишь самые скромные потребности. Сельское духовенство в полном смысле слова было частью народа, разделяя все его заботы, тяготы и невзгоды. Об этом, в частности, свидетельствует и тот факт, что после революции, несмотря на все гонения, в эмиграции оказалось всего 0,2 процента священников.

Крайне искаженным было у нас и представление о религии как об «опиуме для народа». Настоящим опиумом для масс являлась и остается до сих пор водка. Напротив, проповедь здоровой житейской морали несла в себе весьма полезное начало. Что касается проникновения церкви в школу, особенно в высшую, то оно было чисто формальным. По свидетельству известного исследователя церкви Н.М. Никольского, богословского курса никто из студентов не слушал, и сдача по нему зачетов была формальностью, как, впрочем, и курса по истории КПСС и марксизму-ленинизму в совсем недавние времена. Что касается церковно-приходских начальных школ, то они оказались совершенно неспособными конкурировать с хорошо поставленной земской школой, где активно трудилась русская провинциальная интеллигенция. К 1916 году по всей России осталось всего 8 тысяч церковно-приходских школ.

Церковь была, несомненно, частью повседневной жизни народа, его быта, праздников, скорбей, а церковные заповеди прочно входили в сознание и поведение народа. Что же касается ее влияния на духовную жизнь, то оно было весьма ограниченным и совершенно несравнимым с влиянием русской интеллигенции.

Разгром и ограбление русской церкви после Октября 1917 года ни в коей мере не обусловлены глубиной церковного влияния на массы. У этих гонений были иные мотивы – и моральные, и политические, и материальные. Несоизмеримость нанесенного по церкви удара с силой ее сопротивления новой власти бросается в глаза. Обычно при оправдании церковного террора ссылаются на решения Карловацкого собора Русской православной церкви. В конце 1921 года в югославском городке Сремски Карловцы действительно состоялся съезд иерархов церкви, оказавшихся в эмиграции. Он положил начало отделению Русской заграничной церкви от Московской патриархии (Карловацкий раскол). Съезд высказался за восстановление монархии в России. В его Обращении к Генуэзской конференции содержался призыв к борьбе с большевизмом.

В советской литературе широко распространено мнение, что именно это обращение спровоцировало большевиков на «ответные» меры. Это верно лишь отчасти. Во-первых, Карловацкий съезд откололся от Московской патриархии и уже не представлял мнения патриарха Тихона. Во-вторых, на самом съезде тон задавали не церковные иерархи. Из 155 участников к духовенству принадлежали менее трети, а тридцать четыре участника собора осудили политическое Обращение съезда.

Репрессии против церкви и духовенства начались не в 1921 году и не после Карловацкого собора, а раньше. Мы не берем отдельные случаи убийства священников и ограбления церквей в 1918 году солдатами. В этих актах было много от стихийного вандализма, от анархии «внутреннего варвара», разбуженного войной и революцией.

К сожалению, бешеная антирелигиозная пропаганда, которую развернули

большевики, лишь способствовала беззаконию. Множатся случаи откровенного и дикого богохульства. В книге «Церковь и Гражданская война на юге», выпущенной издательством «Безбожник» в 1931 году, с умилением описывается пример «антирелигиозной» работы в г. Юрьеве, когда лошадей рядили в церковные ризы, а в изображения святых на иконах вставляли папиросы. Таковы были «шутки» атеистов. Жалобы верующих во ВЦИК и в Наркомат юстиции не помогают. Отчаявшись найти правосудие в собственной стране, группа церковных иерархов пишет письмо архиепископу Кентерберийскому в надежде привлечь внимание мировой общественности к поруганию веры: «У нас разрушены элементарные основы человеческого бытия. Храмы наши оскверняются, служители алтаря подвергаются гонениям, небывалым со времен римских императоров…»

Но авторы письма, вероятно, не знали, что самое страшное еще впереди.

Шоковая терапия

Шел 1919 год. На юге России еще велись кровавые бои между белыми и красными. Взаимный террор оттачивал свою неистовую гильотину. Классовая ненависть чумным вихрем неслась по России, разрывая в клочья вековую мораль, дедовские устои, отцовские заветы. Но там, где не велось боев, многое еще казалось прежним, привычным, незыблемым. Москва изрядно опустела. Но внешне жизнь катила своим чередом. По утрам дымили печи, шумел Сенной рынок, кричали на Тверской извозчики, «охотнорядцы» раскладывали свои лотки, бренчали старинные замки купеческих лавок. В дни праздников над Первопрестольной гудели колокола. Монастыри и церкви грабили, но главным образом на периферии, где неистовство комиссаров было неподконтрольно даже центральной власти. Москва продолжала сохранять внешнее чинное благолепие.

До революции в Москве существовало более 600 храмов и часовен. Все церкви сразу закрыть было попросту невозможно, не вызвав возмущения москвичей. Разгром московских монастырей приходится на середину 1920 года, когда большая часть монахов и монашенок были выселены. Часть монастырских помещений была отдана под квартиры. Но в большинстве разместились плодившиеся, как саранча, всякого рода советские учреждения. Новоспасский монастырь был превращен в концентрационный лагерь, в Страстной монастырь вселился Военный комиссариат, в кремлевском Чудовом монастыре, бывшем некогда центром книгописания, действовал кооператив «Коммунист». Позднее, в 1930 году, Чудов монастырь был и вовсе разобран.

Но в 1919 году верующим в столице было еще где помолиться и поставить свечу. Чекист Рогов, приехав в Москву, с гневом писал в своем дневнике: «Одного не пойму – красная столица и церковный звон? Почему мракобесы на свободе? На мой характер: попов расстрелять, церкви под клуб – и крышка религии!»

Такой «характер» был не у одного чекиста Рогова, и кампания по разгрому церкви чем дальше, тем больше обретает характер государственной политики. Однако в стране, где вера коренилась в глубинах народного сознания, в народном быте, в самой культуре и нравственности страны, борьба с «опиумом» оказалась не столь простой, как представлялось. Население упорно сопротивлялось закрытию церквей и изъятию церковного имущества. Все чаще приходилось прибегать к такому средству воспитания, как отряды красноармейцев.

По мнению воинствующих атеистов, чтобы убить вековую веру, необходима была своего рода «шоковая терапия». Нужно было, как говорили в те времена, «развенчать» святость русской церкви в глазах «темного народа». В 1919 году была организована кампания вскрытия и профанации мощей русских святых. Чтобы понять моральный ущерб, нанесенный народной нравственности, нужно, вероятно, напомнить о том, что испокон веков русские святые почитались заступниками и хранителями не только народа, но и самой земли русской, образцом народной нравственности. Но именно поэтому они наряду с живыми представителями русской культуры оказались в списке врагов, подлежащих уничтожению. Безгласные мощи русских святых казались новой власти не менее опасными, чем голоса живых. И, как живых, их надлежало уничтожить.

В 1919 году в самых сокровенных обителях русской земли было вскрыто и осквернено 58 мощей. В советской атеистической литературе утверждается, что вскрытие мощей проводилось по требованию местного населения. Сегодня мы знаем истинную цену насилия «по просьбе трудящихся». Решение о ликвидации православных святынь было принято в Москве коллегией Наркомюста.

Вскрытие мощей широко освещалось в печати. В 1920-е годы по кинотеатрам страны прошел документальный фильм о вскрытии мощей святителей Митрофана Воронежского и Тихона Задонского, одного из самых почитаемых русских святых. Целью вскрытий и киносъемок было доказать населению, что никакой святости, кроме марксизма, вообще не существует и существовать не может.

При этом члены комиссий по вскрытию нередко опускались до циничного глумления над останками. В протоколах коллегии Наркомата юстиции содержится свидетельство игумена и священников Звенигородской семинарии, где описывается, как один из членов комиссии публично плевал на извлеченный из раки череп преподобного Саввы Звенигородского. После этого одиозного эпизода Наркомюст вынужден был напомнить воинствующим атеистам о целесообразности соблюдать «приличия». Тем не менее сам принцип «необходимости ликвидации эксплуатации так называемых мощей» был еще раз подтвержден.

На основании этого «принципа» 11 апреля 1919 года в Троицком соборе Троице-Сергиевой лавры в присутствии «делегатов» из Москвы было произведено кощунственное вскрытие мощей преподобного Сергия Радонежского, основателя знаменитого монастыря, активного участника освободительной борьбы русского народа и сподвижника князя Дмитрия Донского. Опасаясь бунта местного населения, власти мобилизовали военных курсантов, которые заняли все колокольни монастыря. Во время вскрытия велась киносъемка, продолжавшаяся около двух часов. Может быть, эти кадры до сих пор хранятся где-нибудь в архивах. Вообще же вскрытия мощей проводились, как правило, тайно. Лишь в редких случаях при процедуре присутствовали «представители трудящихся». Изъятые мощи использовались для «воспитательных целей» и для антирелигиозной пропаганды. Так, мощи Виленских мучеников Антония, Иоанна и Евстафия экспонировались в Музее народного комиссариата здравоохранения на Петровке в виде «мумифицированных трупов».

Голгофа, 1921

В советской «научной» литературе, посвященной этому периоду, навязчиво повторяется мнение, будто грабеж церковного имущества в 1921 году был вынужденным, продиктованным необходимостью борьбы с голодом. Масштабы голода действительно были значительными, а по своей жуткой гекатомбе примерно в пять раз превзошли голод 1891 года. В общей сложности умерло более 5 млн человек. Официальным предлогом для изъятия ценностей была необходимость оплаты закупленного за границей зерна. Представили дело так, будто бы патриарх Тихон отказался пойти навстречу обращению правительства о передаче ценностей Всероссийскому комитету помощи голодающим. А между тем такого обращения правительства к церкви не было, а если вдуматься в нравственные принципы большевизма, и быть не могло. Эта новая власть никогда ни о чем не просила, она всегда только отнимала, обставляя свои бесчисленные беззакония «революционной целесообразностью» или «классовой справедливостью». Так было и на этот раз.

Еще за несколько месяцев до выхода декрета об изъятии церковных ценностей патриарх Тихон по своей инициативе обратился с воззванием к верующим, призывая их к пожертвованиям. В короткий срок было собрано 9 млн рублей. Но правительство не устраивало добровольное жертвование церковью средств – это возвышало ее в глазах населения. Большевики же хотели именно унизить церковь, а затем полностью разгромить ее. Кроме того, пойти на сотрудничество с церковью значило бы пойти против собственной природы. Еще со времен становления партии большевикам был более привычен другой метод пополнения партийной кассы – грабеж банков. Известный исследователь Борис Суварин писал, что результаты вооруженных налетов составляли львиную долю доходов в кассу большевистского центра. «Техническое бюро» ЦК в Петербурге могло изготовлять до 150 бомб ежедневно. Кроме того, большевики наладили целую систему скупки оружия у солдат, возвращавшихся с Русско-японской войны. «Министром финансов», ответственным за добычу денег, являлся Л. Красин. Деятельность этого тайного банкира партии до сих пор сокрыта за семью печатями. Даже спустя 20 лет после смерти Л. Красина Г. Кржижановский осмелился лишь слегка приподнять завесу над масштабами его операций, сказав, что «время еще не пришло полностью раскрыть характер подпольной деятельности Леонида Борисовича».

23 февраля 1921 года правительство издает декрет об изъятии ценностей, включая реликвии, которые для церкви считались священными. Патриарх Тихон, который до этого сам призывал к пожертвованиям драгоценных, но не имеющих сакрального значения предметов, воспротивился этому. Вспыхнул конфликт. В ряде городов не обошлось без столкновений населения с отрядами красноармейцев, которые придавались комиссиям по изъятию. В общей сложности по России произошло около 1500 кровавых стычек. Все это дало возможность большевистской печати (другой, впрочем, к этому времени почти не осталось) поднять шумную кампанию и обвинить церковь в активной контрреволюции.

По стране прокатилась волна судебных процессов, наиболее громким из которых был суд над митрополитом Петроградским и Гдовским Вениамином. Подобное же судилище проходило в Москве. Интересно, что здесь среди обвиняемых оказалась Варвара Ивановна Брусилова, родственница известного генерала, героя Первой мировой войны. Суды и расстрелы священнослужителей продолжались и в следующем, 1922 году. Только в 1922 году по суду было расстреляно более 8 тысяч священнослужителей. Но то была видимая часть айсберга, ибо суды чинились «для приличия» лишь в крупных городах. Сколько же было убито священников по всей России, где вообще никакого закона для местной власти не существовало, знает разве что один Бог. Огромное количество священников оказалось в лагерях, где они стали одними из первых обитателей никому тогда еще неведомого архипелага ГУЛАГ.

«Товарищ Молотов…»

Масштаб и жестокость репрессий, обрушившихся на церковь, не были случайными. Речь шла отнюдь не о всплеске «гнева трудящихся» против церковников. Вся акция была четко спланирована на заседании ЦК РКП(б) с участием Л. Каменева, И. Сталина, Л. Троцкого, В. Молотова. На места, в губернии, были разосланы секретные директивы о том, как и в какой последовательности действовать. Характерна вот какая деталь: наряду с официальными комиссиями по изъятию ценностей в центре и в губерниях были созданы параллельные сверхсекретные комиссии, которые, действуя скрытно от общественности, могли как угодно учитывать и перераспределять захваченное богатство. Официальные комиссии были лишь ширмой для тайной бухгалтерии. В предвидении сопротивления населения грабежу церквей в эти тайные комиссии были предусмотрительно включены комиссары дивизий или бригад, расквартированных в губерниях. В случае необходимости предписывалось привлекать к подавлению беспорядков и ЧОН – части особого назначения. На местах рекомендовали организовывать «спонтанные» демонстрации трудящихся и солдат местных гарнизонов под лозунгом «Церковные ценности – для спасения жизни голодающих».

Разгром и ограбление русской церкви после Октября 1917 года ни в коей мере не обусловлены глубиной церковного влияния на массы. У этих гонений были иные мотивы – и моральные, и политические, и материальные.

Целью разгрома было не только пополнить в очередной раз партийную казну. Конечные цели лежали и в области политики. В лице церкви хотели разрушить последний оплот независимого духа в России. Нет, не политического свободомыслия, ибо к 1921–1922 годам его уже не существовало, так как в стране были запрещены и разгромлены все политические партии, включая «братские» – меньшевистскую и эсеровскую. Нетерпимо было любое изъявление независимой личной воли, даже если оно не касалось политики, – будь то исповедь, крещение или причастие. Все, что не было подчинено единой коммунистической воле, подлежало уничтожению.

19 марта 1922 года В.И. Ленин пишет строго секретное письмо В. Молотову с особой оговоркой – «ни в коем случае копий не снимать». Письмо связано с событиями в небольшом городке Шуе, где местное население воспротивилось ограблению Шуйского соборного храма. Под набат древнего колокола на площади собралась огромная толпа. Конной милиции пробить дорогу к храму не удалось. Тогда местная советская власть вызвала полуроту 146-го пехотного полка и два автомобиля с пулеметами. В ходе кровавого столкновения убитые и раненые были с обеих сторон. После усмирения всю ночь шли аресты. В последующие дни комиссия вывезла из церкви 10 пудов серебра, жемчужные ризы, драгоценные камни, другие ценности.

Письмо к Молотову долго и тщательно скрывалось от советской общественности. Слишком иным, непохожим на привычный образ проглядывает в нем

Две митры, увезенные из Киево-Печерской лавры, оценивались в 100 млн рублей

Ильич. И хотя за границей это письмо было опубликовано в 1970 году в Вестнике Русского студенческого христианского движения (1970. № 98), в Москве сам факт его существования решительно и гневно отвергался. Публикация в Париже была объявлена злостной фальшивкой антисоветчиков. Логика отрицания была такова: наш Ильич ТАКОГО написать не мог.

Написал. На Западе даже был известен шифр, под которым письмо хранилось в Центральном партийном архиве ИМЛ, – ф. 2, од. хр. 22954.

Еще в 1990 году, когда автор спросил у директора института об этом письме, уважаемый академик решительно отверг возможность его существования. Ныне это письмо опубликовано. Поэтому мы не будем обильно его цитировать, сделаем лишь несколько замечаний.

Свои соображения о том, как надлежит действовать, Ленин предваряет одним общим рассуждением по поводу того, как вообще следует проводить репрессии:

«…если необходимо для осуществления известной политической цели пойти на ряд жестокостей, то надо осуществлять их самым энергичным образом и в самый кратчайший срок, ибо длительного применения жестокостей народные массы не вынесут…» (Сталин, как известно, опроверг эту «гуманную» мысль).

Для будущего исследователя особенностей большевистской этики, безусловно, будет интересно и рассуждение Ленина о выборе тактического момента для изъятия ценностей, «момента, когда мы можем с 99-ю из 100 шансов на полный успех разбить НЕПРИЯТЕЛЯ *(выделено мною. – **В.К.**)* наголову и обеспечить за собой необходимые для нас позиции на много десятилетий…». И далее: «…теперь, когда в голодных местностях едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией и не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления».

Для чего же нужны были деньги? Несколько сотен миллионов золотых рублей, по предварительной прикидке самого В.И. Ленина. Только ли для помощи голодающим? Отнюдь нет. И на этот счет в самом ленинском письме имеются вполне четкие указания. Деньги нужны были прежде всего для политических целей. «Без этого фонда, – пишет Ленин Молотову, – никакая государственная работа вообще, никакое хозяйственное строительство в частности и никакое отстаивание своей позиции в Генуе в особенности совершенно немыслимы».

Выступая на XI съезде партии весной 1922 года и подводя итоги Гражданской войны, Троцкий говорил: «Мы разорили страну, чтобы разбить белых». Но аппетиты красных не ограничивались пределами собственной страны. Ведь недаром скульпторы той эпохи так любили изображать вождей революции стоящими на земном шаре. «Отвоевав» Россию – собственную страну у собственного народа, – большевики, несмотря на колоссальные жертвы (Гражданская война унесла 13 миллионов человек), продолжали мечтать о раздувании планетарного пожара. Вождям революции мерещились красные знамена над Берлином, Прагой, Будапештом, Лондоном, Парижем. В Музее Революции в Москве хранится радиограмма Ленина Бела Куну в Будапешт от марта 1919 года: «Сообщите, пожалуйста, какие Вы имеете гарантии, что новое венгерское правительство будет на самом деле коммунистическим, а не только социалистическим, то есть социал-предательским». Троцкому принадлежит знаменитая фраза о том, что путь на Лондон лежит через Калькутту, иными словами, через распространение коммунизма на Восток, в Азию, Индию. Выступая в сентябре 1920 года в Баку на Конгрессе народов Востока, Карл Радек обращается с призывом к народам Персии, Турции, Индии подняться на борьбу с империализмом, обещая им помощь, в том числе и оружием. Для этих целей и был создан Коммунистический Интернационал (4 марта 1919 года).

Летом 1921 года, когда горло России уже сжимала костлявая рука голода, в Москве созывается 3-й Конгресс Коминтерна. Двадцать одно условие приема в Коминтерн предполагает, помимо прочего, оказание интернациональной помощи в захвате власти. «Интернациональные обязательства» падают главным образом на разоренную Россию. Это требует денег, очень много денег, причем не бумажных…

Разбухает и еще одна статья расхода, которая со временем станет поистине разорительной для советской экономики: расходы на армию и ВЧК.

Волна крестьянских восстаний, прокатившихся в 1921 году по всей Центральной России и Сибири, вызвала в партии шок и замешательство. Верхушка РКП(б) начинает осознавать, что доверие масс, которое большевики так умело эксплуатировали в 1917 году, тает. В сущности, большевики в этот период правят как меньшинство, опирающееся на вооруженную силу и репрессивный аппарат. Кронштадтский мятеж, в котором самое активное участие приняли матросы, показал, что от власти может отшатнуться и армия. И неудивительно, что в 1921–1922 годах, то есть в разгар голода, Ленин подписывает целый ряд документов об улучшении продовольственного и бытового обеспечения армии и ВЧК. В апреле 1921 года Совет Труда и Обороны принимает постановление «О порядке удовлетворения войск ВЧК продовольствием». В этом же году принимается постановление по улучшению условий жизни войск во всех губерниях, в том числе и продуктового довольствия. 7 октября 1921 года Ленин распоряжается выделить «сверх кредитов, открытых по годовому расходному расписанию, дополнительный кредит в сумме три миллиарда рублей» на содержание личного состава, командировочное довольствие и хозяйственные надобности центральных учреждений ВЧК. (См. «Ленин и ВЧК. Сборник документов».)

На проходившем в этом голодном году X съезде РКП(б) принимается секретное постановление по военному вопросу, которое предусматривает ускоренную политизацию армии и меры по улучшению ее довольствия, «поставив ее (армию) в отношении снабжения на первое место».

Политическая логика здесь проста: хочешь, чтобы тебя и твою власть охраняли, – сытно корми и прилично плати тем, кто тебя охраняет.

Партийцы никогда не забывали и о себе. Не забыли они о своем довольствии и в голодном 1922 году, не постеснявшись протащить на XII Всероссийской партконференции РКП(б) специальную резолюцию о номенклатурном снабжении партработников. Речь шла прежде всего об ответственных работниках аппарата ЦК в Москве, в республиках и губкомах. В те годы номенклатура еще не слишком разрослась. Тем не менее в резолюции названа цифра 15 325 человек – таковы были в численном составе в то время «ум, честь и совесть» партии.

Дебет и кредит

Результаты изъятия церковной собственности в целом известны. В 1920-е годы к публикации такого рода сведений относились проще. Тем более что населению нужно было доказать – церковный погром был проведен не напрасно. Данные о результатах кампании можно найти в целом ряде публикаций тех лет. Позднее эти цифры были, естественно, закрыты.

К 1 апреля 1923 года было изъято: золота – 60 пудов, серебра – 48 000 пудов, бриллиантов и алмазов – 33 456 тыс. штук (1313 каратов), затем еще бриллиантов и драгоценных камней весом 1 пуд 34 фунта. Кроме того, было вывезено значительное количество изделий из жемчуга.

Стоимость всего награбленного невозможно оценить в рублях, ибо многие ритуальные предметы имели непреходящее художественное и историческое значение. При снятии серебряных и золотых риз было погублено огромное количество старинных икон, которые большевики попросту не считали представляющими какой-либо интерес. Между тем изымаемые предметы культа имели такую огромную художественную ценность, что в мае 1921 года представитель Папы Римского, обеспокоенный возможностью уничтожения уникальных произведений искусства, обратился к наркому иностранных дел Чичерину с просьбой продать их Ватикану.

В целом, по весьма условным, конечно, подсчетам, «налет на церковь» принес 8000 млрд рублей по курсу того времени. В этой космической цифре нет ничего фантастического. Ведь многие изделия дарились церкви царями, великими князьями и стоили баснословно дорого. Например, только две митры, увезенные из Киево-Печерской лавры, оценивались в 100 млн рублей.

По свидетельству современников, многое из награбленного имущества попало на черный рынок и было вывезено за границу. Парижские и лондонские антикварные магазины до сих пор продают остатки этой былой роскоши.

Если стоимость награбленного имущества более или менее известна, то дальнейшая судьба этих богатств покрыта глубочайшей тайной. Исследуя политику большевиков в 1920-е годы, и в частности их «интернациональные обязательства», можно лишь строить догадки о том, куда ушли эти деньги. Во всяком случае, на помощь голодным из этих астрономических сумм достались лишь крохи.

Как известно, голод 1921 года затронул более 20 млн человек. Потребность в продовольствии составляла 200 млн пудов зерна (3,2 млн т). Правительство действительно закупило за рубежом часть зерна для нужд голодающих. Но основная масса хлеба была изъята у крестьян других, не пораженных голодом губерний. Главной заботой в этот год было накормить пролетариат крупных промышленных центров, чтобы избежать взрыва антибольшевистских выступлений. Ленин хорошо помнил, что Февральскую революцию спровоцировала не нехватка хлеба в России, а несвоевременный его подвоз в Петроград.

Значительную помощь оказала заграница. В самый критический период голода международные благотворительные организации, и прежде всего Американская Администрация Помощи (АРА), кормили приблизительно 10 млн человек.

Из изъятых у церкви ценностей на помощь голодающим был потрачен, по мнению ряда исследователей, всего один процент. Остальное бесследно растворилось в скрытых статьях государственного бюджета.

История изъятия ценностей у русской церкви, а более того, тайна их спецраспределения – одна из самых малопочтенных страниц в истории советской власти. Неудивительно, что в учебниках по истории СССР, издаваемых в застойные времена, ни о голоде 1921 года, ни тем более об изъятии церковных ценностей не упоминается ни единой строкой. Правда не бывает несвоевременной. Эта правда нужна нам, помимо прочего, и для понимания моральных, нравственных аспектов той идеологии, которая приводила нас к храмам только для того, чтобы грабить и разрушать.

В марте 1988 года, выступая с «покаяниями» в отношении Русской православной церкви, центральный орган ЦК КПСС журнал «Коммунист» признал, что сама «церковь сумела найти свое место в социалистическом обществе, не поступаясь вероучением, не обманывая доверия ни верующих, ни государства». Полезное и нужное признание, сделанное в год 1000-летия Крещения Руси. Тем более досадно, что даже в этой покаянной статье не обошлось без лукавства. Статья грешит натяжками и искажениями. Делается попытка представить гонения на религию, преследования и убийства священнослужителей и верующих делом рук местных властей, объяснить их чрезмерностью местного революционного рвения. Утверждается, что ЦК партии пытался охладить этот атеистический пыл, но безуспешно.

А между тем все факты и документы свидетельствуют о том, что гонения на церковь были последовательной политикой большевистского правительства с первых дней революции и фактически до начала 1985 года.

Причины этой ненависти понять нетрудно. После полного истребления свободомыслия в Советской России – политического, художественного, интеллектуального – церковь продолжала оставаться последним пристанищем независимого духа. Ошельмованная, оболганная, обворованная, она продолжала нравственное сопротивление, сохраняя для людей веру в возможность «внутреннего преодоления коммунизма» (если воспользоваться мыслью Н.А. Бердяева).

Русский философ оказался прав – «духовная жизнь не может быть угашена, ибо она бессмертна». Три могучих бастиона русской цивилизации не сдали ключей воинствующим «внутренним варварам»: великая русская культура, Русская православная церковь и сама русская земля. Но для этой огромной нравственной победы и русской культуре, и русской церкви, и русской земле воистину пришлось взойти на Голгофу. Низкий поклон этой Святой Троице..?

Фото из архива автора

А был ли Феликс железным?

СЕКРЕТНЫЕ ПОДРОБНОСТИ БИОГРАФИИ

Эдуард ХЛЫСТАЛОВ

Он стоял в центре огромной площади на высоком гранитном пьедестале спиной к казематам и лицом к Кремлю. Его длиннополая кавалерийская шинель расстегнута, правая рука в кармане крепко сжимает револьвер, левая нервно мнет фуражку. Скульптору удалось уловить главное в этом человеке: самопожертвование, доброту, честность и справедливость. Ходили слухи, что благодарные Феликсу большевики распорядились отлить скульптуру из чистого золота, а кое-кто уверял, что тонны драгоценностей – весь золотой запас ГПУ–НКВД–КГБ – замурованы под постаментом.

– Нравится памятник? – спросил меня старичок прохожий. – А знаете, почему именно так установили фигуру Феликса Дзержинского? – спросил он еще и, не дожидаясь, ответил: – У него за спиной люди проверенные. За них он спокоен. Он смотрит за теми, кто сегодня сидит за кремлевскими стенами. За ними нужен глаз да глаз…

Рубаха-парень

Дзержинский родился 11 сентября 1877 года в имении Дзержиново Виленской губернии (Польша) в богатой дворянской семье. Мать – полька, отец – еврей. История создания этой семьи достаточно необычна: двадцатипятилетний домашний учитель Эдмунд Иосифович, взявшийся обучать точным наукам дочерей профессора Янушевского, соблазнил четырнадцатилетнюю Елену. Любовников быстро поженили и под предлогом «Елениной учебы в одном из лучших европейских колледжей» с глаз долой отправили в Таганрог. Эдмунд устроился в местную гимназию (одним из его учеников был Антон Чехов). Пошли дети… И семья вскоре вернулась на родину.

Будущий чекист появился на свет так.

Беременная Елена Игнатьевна не заметила открытый люк подпола и провалилась. Той же ночью родился мальчик. Роды были трудными, но ребенок родился в рубашке, поэтому его назвали Феликс (Счастливый).

Ему было пять лет, когда от чахотки умер отец, а 32-летняя мать осталась с восьмью детьми. Если верить биографам Дзержинского, в детстве он был вундеркиндом. Действительно: с шести лет читал по-польски, с семи – по-русски и по-еврейски. Но учился Феликс средне. В первом классе остался на второй год. Учившийся в этой же гимназии будущий глава правительства Польши Иосиф (Юзеф) Пилсудский (в 1920 году его «железный» однокашник поклянется лично расстрелять «собаку Пилсудского» после взятия Варшавы) отмечал, что «гимназист Дзержинский – серость, посредственность, без каких-либо ярких способностей». Хорошо успевал Феликс только по одному предмету – Закону Божьему, даже мечтал о сане священника, но вскоре разочаровался в религии.

Мать воспитывала детей в неприязни ко всему русскому, православному, рассказывая о польских патриотах, повешенных, расстрелянных или угнанных в Сибирь. Позже Дзержинский признавался: «Еще мальчиком я мечтал о шапке-невидимке и уничтожении всех москалей».

В подобных семьях обычно с детства стремятся к учебе и знаниям, а затем к открытию собственного дела. Но Феликс рано стал крутить любовные романы. Потерял интерес к учебе. Однажды оскорбил и прилюдно дал пощечину учителю немецкого языка, за что был исключен из гимназии. Сблизился с уголовниками, занимался в подпольных кружках еврейской молодежи, участвовал в драках, расклеивал по городу антиправительственные листовки. В 1895 году вступил в литовскую социал-демократическую группу.

Детство закончилось.

Начитавшись Маркса

После смерти матери Феликс получил 1000 рублей наследства и быстро пропил их в местных пивных (на похороны он не явился, да и вообще не вспоминал ни мать, ни отца ни в письмах, ни устно, как будто их и не было вовсе), где целыми днями с такими же бездельниками, начитавшимися Маркса, обсуждал планы построения общества, в котором можно было бы не работать. Муж старшей сестры Альдоны, узнав о «проделках» шурина, выгнал его из дома, и Феликс начал жизнь профессионального революционера. Он создает «боювки» – группы вооруженной молодежи (среди его соратников той поры, например, известный большевик Антонов-Овсеенко). Они подначивают рабочих на вооруженную бузу, расправляются со штрейкбрехерами, организовывают теракты с десятками жертв. Весной 1897 года «боювка» Феликса искалечила железными прутьями группу рабочих, не желавших бастовать, и он вынужден был бежать в Ковно (Каунас).

…В полицию Ковно поступило агентурное сообщение о появлении в городе подозрительного молодого человека в черной шляпе, всегда низко надвинутой на глаза, в черном костюме. Его видели в пивной, где он угощал рабочих с фабрики Тильманса. На допросе те показали: незнакомец вел с ними разговор об учинении на фабрике бунта, в случае отказа грозил жестоко избить.

17 июля при аресте молодой человек назвался Эдмундом Жебровским, но вскоре выяснилось, что он «столбовой дворянин Дзержинский». Не сумев доказать его личного участия в многочисленных кровавых разборках (подельники не выдали!), но все-таки продержав год в тюрьме, его сослали на три года в Вятскую губернию. «Как по своим взглядам, так и по своему поведению, – пророчески доносил жандармский полковник вильненскому прокурору, – личность в будущем очень опасная, способный на все преступления». Биографы, описывая следующий период жизни Дзержинского, отделываются общими фразами: «вел разъяснительную работу в массах», «пламенно выступал на собраниях». Если бы! Это был человек действия. В 1904 году в городе Ново-Александрии он попытался поднять вооруженное восстание, сигналом к которому стал бы теракт в воинской части. Феликс заложил динамит в офицерском собрании, однако в последний момент его подручный струсил и бомбу не взорвал. Пришлось удирать через забор.

По свидетельству боевиков Феликса, они беспощадно убивали всех, на кого падало подозрение в связях с полицией: «Мы стали подозревать Кровавого, и он стал от нас скрываться. Мы его поймали и всю ночь расспрашивали. Потом пришли судьи. На рассвете мы вывели Кровавого на кладбище Повонзки и там расстреляли». Один из приближенных Феликса боевик А. Петренко вспоминал: «Рисковать своей жизнью перед лицом боевиков, быстро расправляющихся с заподозренными, охотников не было. Расправа над предателями и тайной агентурой была делом первой необходимости. Такие эпизоды, происходившие почти ежедневно, были обставлены гарантиями правосудности расстрела. Обстановка была такова, что сейчас можно осудить кого-либо за эти расправы» (РЦХИДНИ, фонд 76).

Особенно жестоко Дзержинский расправлялся с так называемыми черносотенцами. Решил он как-то, что жильцами дома № 29 по улице Тамке готовится еврейский погром, и приговорил всех к расстрелу. Эту расправу сам описал в своей газете «Червонный Штандарт»: «Товарищи наши исполнили это 24 ноября. В квартиру по Тамке вошло по парадному входу 6 человек и 4 от кухни с требованиями не трогаться с места. Встретили их стрельбой; некоторые из банды пытались спасаться бегством. Не было возможности поступить иначе, как решительно рассчитаться с преступниками: время не ждало, опасность грозила нашим товарищам. В квартире на Тамке пало шесть или семь предводителей «черной сотни». (Тот же фонд.)

И что интересно: Дзержинский шесть раз арестовывался (и с пистолетом в руках, и со множеством стопроцентных вещдоков), однако его почему-то не судили, а высылали в административном порядке, как это делали с дешевыми проститутками и тунеядцами. Почему? Есть данные, что главная причина – в слабой свидетельской базе. Свидетелей его преступлений соратники убивали, судей и прокуроров запугивали. По собственным воспоминаниям Дзержинского, он «откупался взяткой». (Сверчков Д. Красная новь. 1926. № 9.) А откуда у него такие деньги? И вообще, на какие шиши он жил?

Золото партии

Судя по расходам, деньгами Дзержинский распоряжался немалыми. На фотографиях тех лет он в дорогих щегольских костюмах, лакированных ботинках. Разъезжает по странам Европы, живет в лучших отелях и санаториях Закопане, Радома, Петербурга, Кракова, отдыхает в Германии, Италии, Франции, ведет активную переписку со своими любовницами. 8 мая 1903 года пишет из Швейцарии:

«Опять я в горах над Женевским озером, вдыхаю в себя чистый воздух и великолепно питаюсь». Позже сообщает сестре из Берлина: «Я странствовал по свету. Вот уже месяц, как я уехал из Капри, был в итальянской и французской Ривьере, в Монте-Карло и даже выиграл 10 франков; затем любовался в Швейцарии Альпами, могучей Юнгфрау и другими снежными колоссами, горящими заревом при закате солнца. Как прекрасен мир!» (Тот же фонд, опись 4, дело 35.)

Все это требовало бешеных затрат. К тому же огромные суммы шли на зарплату боевикам (Дзержинский платил по 50 рублей в месяц каждому, в то время как средний рабочий получал 3 рубля), на издание газет, прокламаций, листовок, на организацию съездов, освобождение революционеров под залог, взятки чинам полиции, подделку документов и многое другое. Беглое знакомство с его расходами показывает: ежегодно сотни тысяч рублей. Кто же его финансировал?

По одной из версий, на организацию смуты в России денег не жалели ее враги, по другой – золотоносной жилой была экспроприация содержимого банков, попросту грабеж…

Железный портняжка и социал-сексуал

На вопрос, подвергался ли он репрессиям за революционную деятельность до Октябрьской революции, «первый чекист» писал в анкете: «Арестовывался в 97, 900, 905, 906, 908 и 912 годах, просидел всего 11 лет в тюрьме, в том числе на каторге (8 плюс 3), был три раза в ссылке, всегда бежал». Но за какие преступления – молчок. Из книг известно: 4 мая 1916 года Московская судебная палата приговорила его к 6 годам каторжных работ. Но ни слова о том, что при царском режиме к каторге приговаривались только убийцы…

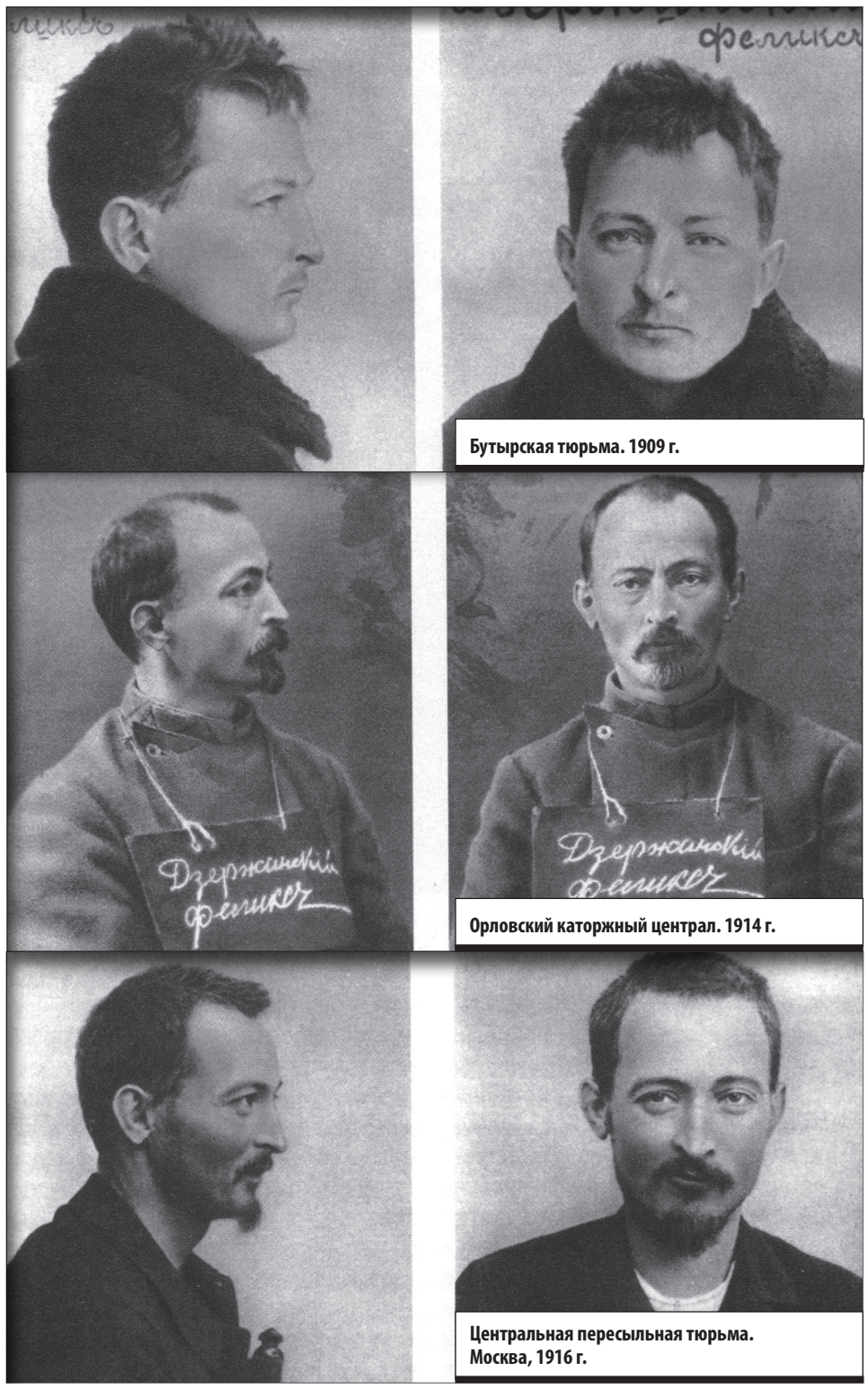
Февральская революция застала Дзержинского в Бутырской тюрьме. Он как ребенок радовался тому, что научился шить на швейной машинке и даже впервые в жизни заработал 9 рублей, обшивая сокамерников. В свободное время играл в дурака и подглядывал за женщинами из соседней камеры через дыру в стене. («Женщины танцевали, ставили живые картины. Затем требовали такого же от мужчин. Мы становились в таком месте и в такую позу, чтоб они видели…» Ю. Красный-Ротштадт.)

1 марта 1917 года Феликса освободили. Вышел он из Бутырки еле живым – сокамерники, уличив в стукачестве начальнику тюрьмы, жестоко его избили. Однако в Польшу он не вернулся. Некоторое время болтался по Москве, а потом уехал в Петроград. Что интересно: выйдя из каземата с дырявыми карманами и в шапке на рыбьем меху, он вскоре начинает высылать своей любовнице Софье Мушкат в Швейцарию по 300 рублей в месяц в адрес кредитного банка в Цюрихе. И всю переписку и пересылку ведет через враждебную России Германию!..

В.О.Р. (Великая Октябрьская революция)

Сразу после Февральской революции (как только запахло жареным!) в Россию со всего света съезжаются политические авантюристы, международные террористы, жулики и мошенники всех мастей. Июльская попытка захвата власти большевиками проваливается с треском. В августе собирается VI съезд большевиков… Дзержинский, в детстве мечтавший «перебить всех москалей», вдруг решает избавить их от эксплуататоров. И хотя большевиком он никогда не был, его сразу избирают в ЦК партии и устраивают секретную встречу с прячущимся в Разливе Лениным.

Бывшие политические враги (большевики, эсеры и т.д.) на время объединяются в единый фронт и общими усилиями 7 ноября (25 октября по ст. ст.) захватывают капитанский мостик Российской империи. Вначале они клялись, что к власти пришли только до съезда Учредительного собрания, но едва депутаты приехали в Петроград, как их просто-напросто разогнали. «Морали в политике нет, – заявил Ленин, – а есть только целесообразность».


Бутырская тюрьма. 1909 г.
Орловский каторжный централ. 1914 г.
Центральная пересыльная тюрьма. Москва, 1916 г.

Активную роль в захвате власти играл Дзержинский. «Ленин стал совсем невменяемый, и если кто-то имеет на него влияние, так это только «товарищ Феликс». Дзержинский еще больший фанатик, – писал народный комиссар Леонид Красин, – и, в сущности, хитрая бестия, запугивающая Ленина контрреволюцией и тем, что она сметет нас всех и его в первую очередь. А Ленин, в этом я окончательно убедился, самый настоящий трус, дрожащий за свою шкуру. И Дзержинский играет на этой струнке…»

После Октября Ленин направил вечно грязного, небритого, постоянно всем недовольного железного Феликса в Наркомат внутренних дел как человека, знающего уголовный мир и тюремную жизнь. Туда он направлял всех, чьи головы уже стригли тюремные машинки…

7 декабря 1917 года Совет народных комиссаров торопливо создает Всероссийскую чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией и саботажем. И хотя комиссии этой отведена роль следственного комитета, санкции ее членов куда шире: «Меры – конфискация, выдворение, лишение карточек, опубликование списков врагов народа и т.д.». По свидетельству Лациса *(возглавлял отдел ВЧК по борьбе с контрреволюцией. – **Ред.**)*, «Феликс Эдмундович сам напросился на работу в ВЧК». Он быстро входит в курс дела, и если в декабре еще сам нередко ездит на обыски и аресты, то в начале 1918 года, заняв обширнейшее здание с погребами и подвалами на Лубянке, начинает лично формировать команду.

Мокрушник № 1

Первой статистически официальной жертвой чекистов считается некий князь Эболи, который «от имени ВЧК грабил буржуев в ресторанах». С его расстрела пошел отсчет жертв тоталитарного режима. Под приговором – подпись Феликса Дзержинского.

…Известный факт. В 1918 году на одном из заседаний Совнаркома, где обсуждался вопрос о снабжении, Ленин послал Дзержинскому записку: «Сколько у нас в тюрьмах злостных контрреволюционеров?» Первый чекист вывел на бумажке: «Около 1500». Точной цифры арестованных он не знал – за решетку сажали кого попало, не разбираясь. Владимир Ильич хмыкнул, поставил возле цифры крест и передал бумажку обратно. Феликс Эдмундович вышел.

Той же ночью «около 1500 злостных контрреволюционеров» поставили к стенке. Позже секретарь Ленина Фотиева разъясняла: «Произошло недоразумение. Владимир Ильич вовсе не хотел расстрела. Дзержинский его не понял. Наш вождь обычно ставит на записке крестик в знак того, что прочел ее и принял к сведению».

Утром оба сделали вид, что ничего чрезвычайного не произошло. Совнарком обсуждал архиважный вопрос: к Москве подходил долгожданный состав с продовольствием.

Бежавший за границу бывший комиссар ЧК В. Беляев в своей книге опубликовал фамилии «контрреволюционеров»:

«Список расстрелянных, умерших от голода, замученных, зарезанных, удушенных ученых и писателей: Христина Алчевская, Леонид Андреев, Константин Арсентьев, Вал. Бианки, проф. Александр Бороздин, Николай Вельяминов, Семён Венгеров, Алексей и Николай Веселовские, Л. Вилкина – жена Н. Минского, историк Вязигин, проф. физики Николай Гезехус, проф. Владимир Гессен, астроном Дм. Дубяго, проф. Мих. Дьяконов, геолог Александр Иностранцев, проф. экономики Андрей Исаев, политэконом Николай Каблуков, экономист Александр Кауфман, философ права Богдан Костяковский, О. Лемм, беллетрист Дм. Ливен, историк Дмитрий Кобеко, физик А. Колли, беллетрист С. Кондрушкин, историк Дм. Корсаков, проф. С. Кулаковский, историк Ив. Лучицкий, историк И. Малиновский, проф. В. Матвеев, историк Пётр Морозов, проф. Казанского университета Дарий Нагуевский, проф. Бор. Никольский, историк литературы Дм. Овсянников-Куликовский, проф. Иосиф Покровский, ботаник В. Половцев, проф. Д. Радлов, философ Вас. Розанов, проф. О. Розенберг, поэт А. Рославлев, проф. Ф. Рыбаков, проф. А. Сперанский, Кл. Тимирязев, проф. Туган-Барановский, проф. Б. Тураев, проф. К. Фохш, проф. А. Шахматов… и много других, имена их ты, Господи, веси».

Это было только начало. Скоро к этим именам прибавятся еще более известные люди России.

В первые годы работы следователем мне удалось застать в живых первых чекистов, разжалованных за прегрешения в милиционеры. Старики ветераны иногда откровенничали: «Помню, поймали нескольких подозрительных типов – и в ЧК. Сажают на скамейку, во дворе автомобильный мотор на всю катушку, чтобы прохожие выстрелов не слышали. Подходит комиссар: ты, падла, будешь сознаваться? Рраз пулю в брюхо! Спрашивают у других: у вас, падлы, есть в чем сознаться советской власти? Те на колени… Рассказывали даже то, чего не было. А обыски как проводили! Подъезжаем к дому на Тверском бульваре. Ночь. Окружаем. И все по квартирам… Все ценности в контору, буржуев в подвал на Лубянку!.. Вот это была работа! А что Дзержинский? Он и сам расстреливал».

В 1918 году отряды чекистов состояли из матросов и латышей. Один такой матрос вошел в кабинет председателя пьяным. Тот сделал замечание, матрос в ответ обложил трехэтажным. Дзержинский выхватил револьвер и, уложив несколькими выстрелами матроса на месте, тут же сам упал в эпилептическом припадке.

В архивах я откопал протокол одного из первых заседаний ВЧК от 26 февраля 1918 года: «Слушали – о поступке т. Дзержинского. Постановили: ответственность за поступок несет сам и он один, Дзержинский. Впредь же все решения вопросов о расстрелах решаются в ВЧК, причем решения считаются положительными при половинном составе членов комиссии, а не персонально, как это имело место при поступке Дзержинского». Из текста постановления видно: Дзержинский расстреливал лично. Узнать имена расстрелянных мне не удалось и, видимо, уже никому не удастся, но ясно одно – в те времена это был проступок на уровне ребяческой шалости.

Феликс и его команда

Верным помощником и заместителем Дзержинского стал Яков Петерс – с гривой черных волос, вдавленным носом, большим узкогубым ртом и мутными глазами. Он залил кровью Дон, Петербург, Киев, Кронштадт, Тамбов. Другой заместитель, Мартын Судрабс, больше известен под псевдонимом Лацис. Это ему принадлежит перл: «Установившиеся обычаи войны… по которым пленные не расстреливаются и прочее, все это смешно. Вырезать всех пленных в боях против тебя – вот закон Гражданской войны». Лацис залил кровью Москву, Казань, Украину. Член Коллегии ВЧК Александр Эйдук не скрывал, что убийство для него – сексуальный экстаз. Современники запомнили его бледное лицо, перебитую руку и маузер – в другой. Начальник Особого отдела ВЧК Михаил Кедров уже в 1920-е годы угодил в сумасшедший дом. До этого он со своей любовницей Ревеккой Мейзель сажал в тюрьмы детей 8–14 лет и под предлогом классовой борьбы расстреливал. Особой жестокостью отличался «уполпред ЧК» Георгий Атарбеков. В Пятигорске с отрядом чекистов он шашками изрубил около ста захваченных заложников, а генерала Рузского лично зарезал кинжалом. При отступлении из Армавира он расстрелял в чекистских подвалах несколько тысяч грузин – офицеров, врачей,

сестер милосердия, возвращающихся на родину после войны. Когда к Екатеринодару подступил врангелевский отряд, он приказал поставить к стенке еще около двух тысяч заключенных, большинство из которых ни в чем не были виновны.

В Харькове одно имя чекиста Саенко приводило в ужас. Этот щупленький, явно психически больной человечек с нервно дергающейся щекой, напичканный наркотиками, бегал по тюрьме, что на Холодной горе, весь в крови. Когда в Харьков вошли белые и отрыли трупы, у большинства были переломаны ребра, перебиты голени, отрублены головы, у всех следы пыток раскаленным железом.

В Грузии патологической жестокостью отличался комендант местной «чрезвычайки» Шульман, наркоман и гомосексуалист. Вот как описывает расстрел 118 человек очевидец: «Приговоренных выстроили шеренгами. Шульман и его помощник с наганами в руках пошли вдоль шеренги, стреляя в лоб приговоренным, время от времени останавливаясь, чтобы зарядить револьвер. Не все покорно подставляли головы. Многие бились, плакали, кричали, просили пощады. Иногда пуля Шульмана только ранила их, раненых сейчас же добивали выстрелами и штыками, а убитых сбрасывали в яму. Вся эта сцена продолжалась не менее трех часов».

А чего стоили зверства Арона Когана (больше известного под псевдонимом Бела Кун), Уншлихта, карлика и садиста Дерибаса, следователей ВЧК Миндлина и барона Пиляра фон Пильхау. Не отставали от мужчин и женщины-чекистки: в Крыму – Землячка, в Екатеринославле – Громова, в Киеве – «товарищ Роза», в Пензе – Бош, в Петрограде – Яковлева и Стасова, в Одессе – Островская. В той же Одессе, например, венгерка Ремовер самовольно расстреляла 80 арестованных. Впоследствии она была признана душевнобольной на почве половой извращенности.

Знал ли Дзержинский о зверствах, учиняемых от имени советской власти его подручными? На основании анализа сотен документов заявляю: знал и поощрял. Именно им подписано большинство ордеров на обыск и арест, его подпись стоит на приговорах, его перу принадлежат секретные инструкции о тотальной вербовке сексотов и тайных агентов во всех сферах общества. «Нужно всегда помнить приемы иезуитов, которые не шумели на всю площадь о своей работе и не выставляли напоказ, – поучал железный Феликс в секретных приказах, – а были скрытными людьми, которые обо всем знали и умели только действовать…» Главным направлением работы чекистов он считает тайное осведомительство и требует от каждого вербовать как можно больше сексотов. «Для приобретения секретных сотрудников, – поучает Дзержинский, – необходима постоянная и продолжительная беседа с арестованными, а также их родственниками и знакомыми… Заинтересовать полной реабилитацией при наличии компрометирующего материала, добытого обысками и агентурными сведениями… Воспользоваться неладами в организации и ссорами между отдельными лицами… Заинтересовать материально».

На какие только провокации не толкал он подчиненных своими инструкциями!

На Хмельницк налетает белогвардейский отряд. Большевики арестованы, их провели через весь город, подгоняя пинками и ружейными прикладами. Стены домов испещрены воззваниями, призывающими записываться в Белую гвардию… А на поверку оказалось, что все это провокация чекистов, решивших выявить врагов советской власти. Коммунисты поплатились липовыми синяками, зато выявленные тут же всем списком были пущены в расход.

О размахе репрессий только в 1918 году свидетельствует официальная статистика, опубликованная в самой ЧК в те годы: «Подавлено 245 восстаний, раскрыто 142 контрреволюционные организации, расстреляно 6300 человек». Конечно, чекисты здесь явно поскромничали. По расчетам независимых социологов, на самом деле убито было несколько миллионов.

Легенды и мифы СССР

Много написано о том, как Дзержинский работал на износ и принципиально не показывался врачам. Якобы даже вопрос на Политбюро ставили о состоянии здоровья председателя ГПУ. На самом деле больше всего на свете Феликс Эдмундович любил и ценил как раз свое здоровье. В архивах хранятся сотни документов, подтверждающих это.

Каких только болезней не находил он у себя: и туберкулез, и бронхит, и трахома, и язва желудка. Где он только не лечился, в каких санаториях не отдыхал. Став председателем ВЧК—ГПУ, ездил в лучшие дома отдыха по нескольку раз в год. Его постоянно осматривают кремлевские врачи: находят «вздутие живота и рекомендуют клизмы», а вот заключение по поводу его очередного анализа – «в утренней моче товарища Дзержинского обнаружены сперматозоиды…». Каждый день ему делают хвойные ванны, причем чекистка Ольга Григорьева лично отвечает за то, чтобы «враги пролетариата в воду не подмешали отраву».

По свидетельству сослуживцев, Дзержинский и ел плохо, и пил «пустой кипяток или какой-нибудь суррогат. Как все…» (чекист Ян Буйкис), а суточную пайку хлеба все норовил отдать постовому или многодетной матери на улице.

«Феликс Эдмундович сидел, склонившись над бумагами. Он радушно поднялся навстречу неожиданным гостям. На краю стола перед ним стоял недопитый стакан остывшего чая, на блюдце – маленький кусочек черного хлеба.

– А это что? – спросил Свердлов. – Нет аппетита?

Дзержинский с семьей. Лугано. Октябрь 1918 г.

– Аппетит-то есть, да хлеба в республике маловато, – отшутился Дзержинский. – Вот и растягиваем паек на весь день…»

Процитирую только два документа. Вот, например, что рекомендовали Дзержинскому кремлевские врачи:

«1. Разрешается белое мясо – курица, индюшатина, рябчик, телятина, рыба;

2. Черного мяса избегать; 3. Зелень и фрукты; 4. Всякие мучные блюда; 5. Избегать горчицы, перца, острых специй».

А вот меню тов. Дзержинского:

«Понед. Консомэ из дичи, лососина свежая, цветная капуста по-польски;

Вторн. Солянка грибная, котлеты телячьи, шпинат с яйцом;

Среда. Суп-пюре из спаржи, говядина булли, брюссельская капуста;

Четв. Похлебка боярская, стерлядка паровая, зелень, горошек;

Пятн. Пюре из цв. капусты, осетрина, бобы метрдотель;

Суббота. Уха из стерлядей, индейка с соленьем (моч. ябл., вишня, слива), грибы в сметане;

Воскр. Суп из свежих шампиньонов, цыпленок маренго, спаржа». (Фонд тот же, опись 4.)

Троцкий вспоминал, что они с Лениным после захвата власти объедались кетовой икрой, что «этой неизменной икрой окрашены не в моей только памяти первые годы революции».

Красные террористы

В мае 1918 года в ВЧК попадает 20-летний Яков Блюмкин, которому тут же было доверено руководство отделом по борьбе с немецким шпионажем.

6 июля Блюмкин и Н. Андреев приезжают в Денежный переулок, где размещалось германское посольство, и предъявляют мандат на право переговоров с послом. На бумаге подписи Дзержинского, секретаря Ксенофонтова, регистрационный номер, штамп и печать.

Во время разговора Блюмкин стреляет в посла, взрывает две гранаты, а сами «дипломаты» скрываются в суматохе. Разгорается невиданный международный скандал. Дзержинский, не моргнув глазом, заявляет, что на мандате его подпись подделана… Но несомненно, что все организовано им. Во-первых, он категорически против мира с Германией (против Германии намечались широкомасштабные операции). Во-вторых, большевикам нужен повод для расправы с эсерами (как раз они-то и были объявлены убийцами посла). И в-третьих, Яков Блюмкин за все эти штучки повышен в должности.

8 июля «Правда» опубликовала заявление Дзержинского: «Ввиду того, что я являюсь, несомненно, одним из главных свидетелей по делу об убийстве германского посланника графа Мирбаха, я не считаю для себя возможным оставаться в ВЧК… в качестве ее председателя, равно как и вообще принимать какое-либо участие в комиссии. Я прошу Совет народных комиссаров освободить меня».

Расследованием убийства никто не занимался, почерковедческая экспертиза по поводу подлинности подписи не проводилась, и тем не менее ЦК партии отстраняет его от должности. Правда, ненадолго. Уже 22 августа Феликс «восстает из пепла» – занимает прежнее кресло. И вовремя. В ночь с 24 на 25 августа ВЧК арестовывает более ста видных деятелей партии эсеров, обвинив их в контрреволюции и терроризме. В ответ 30 августа Леонид Канегиссер убивает председателя петроградской «чрезвычайки» Моисея Урицкого. Дзержинский лично едет в Петроград и распоряжается в отместку расстрелять 1000 человек.

30 августа стреляют в Ленина. Чекисты в покушении обвиняют эсерку Фанни Каплан. Дзержинский дает добро на массовую бойню в Москве.

Отличный семьянин

А теперь остановимся на частном моменте из жизни человека «с чистыми руками и горячим сердцем». В тот момент, когда страна находится в кольце Гражданской войны и объявлен «красный террор», когда ускоренными темпами создаются концлагеря, а волна повальных арестов захлестнула державу, Дзержинский под вымышленной фамилией Доманский вдруг уезжает за границу.

Зачем?

«По настоянию Ленина и Свердлова он в октябре 1918 года, измотанный нечеловеческим напряжением, уехал на несколько дней в Швейцарию, где находилась его семья», – напишет позже комендант Кремля чекист П. Мальков.

Была ли у Феликса семья? Действительно, в конце августа 1910 года 33-летний Феликс совершил вояж с 28-летней Софьей Мушкат на известный курорт Закопане. 28 ноября Софья уехала в Варшаву, и больше они не встречались.

23 июня 1911 года у нее родился сын Ян, которого она сдала в детский дом, так как ребенок страдал психическим расстройством. Возникает вопрос: если они считали себя мужем и женой, почему бы Мушкат не приехать в Россию, где муж далеко не последний человек? Почему поехал он сам, рискуя попасть в лапы спецслужб, зарубежной полиции или эмигрантов? Самое поразительное, что отправляется он не куда-нибудь, а в Германию, где общественность требовала незамедлительного и сурового наказания убийц Мирбаха и уж где в сказку о злодеях-эсерах, разумеется, никто не верил.

О предстоящем турне Дзержинского никаких официальных сообщений не последовало. Известно, правда, что вместе с ним был член Коллегии ВЧК и секретарь ВЦИК В. Аванесов, который мог взять под свою защиту «товарища Доманского» в случае каких-либо осложнений.

По моей просьбе в МИДе СССР была проведена проверка выдачи виз для выезда из России в сентябре – октябре 1918 года. Никаких документов на выезд Дзержинского-Доманского и Аванесова нет. Следовательно, поездка была нелегальной. С какой целью они выехали, можно только догадываться, но что ехали не на увеселительную прогулку и не с пустыми руками, можно не сомневаться. Ведь советские «лимоны» за границей к оплате не принимались. Даже за пользование сортиром нужно было расплачиваться валютой. Откуда она у чекистов?

В сентябре 1918 года в Швейцарии открывается советская дипломатическая миссия. Первым секретарем ее назначен некий Брайтман. Он пристраивает туда Софью Мушкат, которая забирает сына Яна из детского дома. Дзержинский приезжает в Швейцарию и увозит семью на роскошный курорт Лугано, где занимает лучший отель. На фотографиях той поры он без бородки, в дорогом пальто и костюме, довольный жизнью, погодой и своими делами. Солдатскую гимнастерку и потертую шинель он оставил в своем кабинете на Лубянке.

Так с какой же целью Дзержинский ездил за границу? Обратимся к фактам.

5 ноября германское правительство разрывает дипломатические отношения с Советской Россией и высылает из Берлина советское посольство. 9 ноября под угрозой убийства семьи Вильгельм II отрекается от престола. 11 ноября революция в Австро-Венгрии (под руководством Белы Куна) свергает монархию Габсбургов.

За действия, несовместимые с дипломатией, швейцарское правительство высылает советскую дипломатическую миссию, а у Софьи Мушкат и Брайтманов проводятся обыски. В письме одному из заместителей Дзержинского, Я. Берзину, который был главным исполнителем «революций» и политических убийств за рубежом, Ленин настаивает, чтобы в качестве пропагандистов использовали зарубежных сионистов «Катера или Шнейдера из Цюриха», Нубакера из Женевы, руководителей итальянской мафии, проживающих в Лугано (!), требует для них золота не жалеть и платить им «за работу и поездки архищедро», «а русским дуракам раздайте работу, посылать вырезки, а не случайные номера…»

Не это ли ключ к разгадке?

Не успев закрепиться у власти, большевики экспортируют революцию за границу. Для финансирования этих революций они могли давать только награбленное – золото, драгоценности, картины великих мастеров. Переправку всего этого можно было доверить только самым «железным товарищам». В результате в короткий срок пущен по ветру почти весь золотой запас России. А в банках Европы и Америки стали появляться счета: Троцкого – 1 млн долларов и 90 млн швейцарских франков; Ленина – 75 млн швейцарских франков; Зиновьева – 80 млн швейцарских франков; Ганецкого – 60 млн швейцарских франков и 10 млн долларов; Дзержинского – 80 млн швейцарских франков.

Кстати, из опубликованных писем Дзержинского своей сестре Альдоне, жившей в Вене с мужем-миллионером, видно, что он отправлял ценные вещи даже ей.

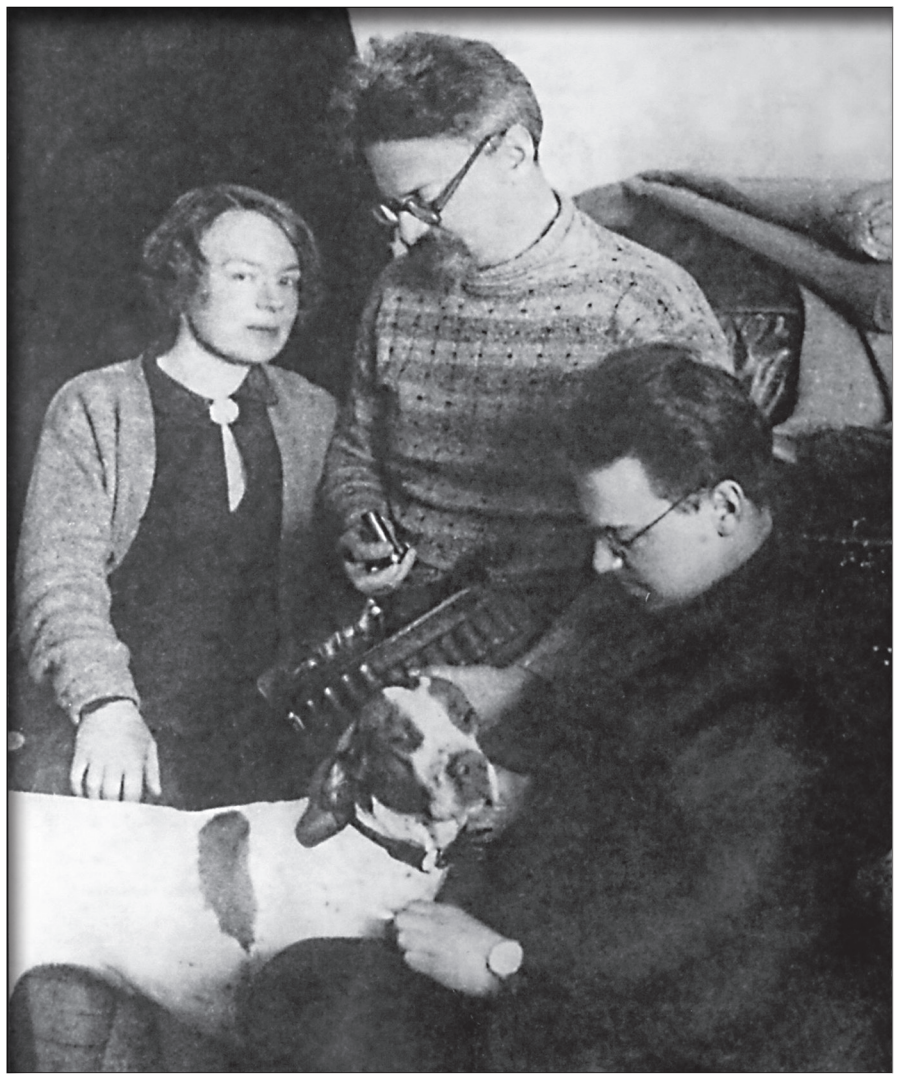
Рожденный в рубашке, Дзержинский и впрямь оказался счастливцем. Ему повезло – он не дожил до тридцать седьмого года. Не был отравлен, застрелен, казнен. Он умер своей смертью, не дотянув до сорокадевятилетия, 20 июля 1926 года в 16 часов 40 минут в своей кремлевской квартире. Уже через несколько часов знаменитый патологоанатом Абрикосов в присутствии еще пяти врачей произвел вскрытие тела и установил, что смерть наступила «от паралича сердца, развившегося вследствие спазматического закрытия просвета венозных артерий». (РЦХИДНИ, фонд 76, опись 4, дело 24.)

На Лубянской площади он «прожил» еще шестьдесят пять лет, пока не пришел август 1991 года. Правда, сейчас поговаривают, что он временно «отдыхает» где-то в подвалах Лубянки и ждет своего часа.

Иллюстрации из архива авторов

Арест Троцкого

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ БОЯРЧИКОВ (1902–1981) ЧЕТЫРНАДЦАТИЛЕТНИМ ЮНОШЕЙ ОКАЗАЛСЯ В ПЕТРОГРАДЕ. СВИДЕТЕЛЬ ФЕВРАЛЬСКОЙ И ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИЙ, ОН ВСКОРЕ ДОБРОВОЛЬЦЕМ ИДЕТ В КРАСНУЮ АРМИЮ, СТАНОВИТСЯ ЛИЧНЫМ ШИФРОВАЛЬЩИКОМ КОМКОРОВ ЖЛОБЫ, ДУМЕНКО, ЗАТЕМ КОМАНДАРМА Ф.К. МИРОНОВА. С 1921 ГОДА БОЯРЧИКОВ РАБОТАЕТ В ШИФРОВАЛЬНОМ ОТДЕЛЕНИИ ГЕНШТАБА РККА И РЕВВОЕНСОВЕТА РЕСПУБЛИКИ. ЗДЕСЬ ОН ЗНАКОМИТСЯ С НАРКОМВОЕНДЕЛОМ Л.Д. ТРОЦКИМ И В ДАЛЬНЕЙШЕМ СТАНОВИТСЯ ЕГО ПРИВЕРЖЕНЦЕМ. ЗАТЕМ ОБЫЧНАЯ ДЛЯ ТРОЦКИСТА БИОГРАФИЯ. 1932–1936 ГОДЫ – ПЕРВОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ В ВЕРХНЕ-УРАЛЬСКОМ ПОЛИТИЗОЛЯТОРЕ. ПОТОМ КОРОТКАЯ ССЫЛКА В АРХАНГЕЛЬСК, ЗА НЕЙ – КАТОРГА ВОРКУТЫ. ПОСЛЕ ВОЙНЫ, КОТОРУЮ БОЯРЧИКОВ ПРОШЕЛ РЯДОВЫМ, – НОВАЯ «ВОЛНА»: ДВА ГОДА ЛЕСОПОВАЛА В РОДНОМ ВОРОТЫНСКЕ, А С 1949 ГОДА – СНОВА КАТОРГА. ОСВОБОЖДЕНИЕ НАСТУПИЛО ЛИШЬ 25 ИЮНЯ 1956 ГОДА



Лев Троцкий, его жена Наталья и сын Лев в ссылке в Алма-Ате, 1928 г.

Ранним летним утром 1928 года чекисты арестовали Троцкого. Лев Троцкий жил тогда не в Кремле, а на квартире своего единомышленника – бывшего наркома внутренних дел РСФСР Белобородова (из Кремля Лев Троцкий ушел вместе с семьей вскоре после исключения его из рядов партии).

Белобородов – потомок знаменитого Белобородова, казненного в Москве на Лобном месте за участие в Пугачевском восстании. Указ о смертной казни подписала императрица Екатерина II.

Потомок Белобородова подписал в Екатеринбурге в 1918 году смертный приговор потомку Екатерины II – Николаю II.

У Белобородова на улице Грановского я видел редкое фото – приезд из Тобольска в Екатеринбург в 1918 году царя Николая II со всей его семьей.

На фоне прибывшего поезда стояли: царь Николай II, наследник Алексей, царица Александра Фёдоровна, четыре дочери и лейб-медик царя. Царь Николай II был в военной форме, на которой были видны знаки отличия полковника русской армии. По-военному вытянувшись, он отдавал честь под козырек стоявшим против него в кожаных куртках с маузерами за поясами руководителям Урало-Сибирской власти – Белобородову, Мрачковскому и Уфимцеву, прибывшим на вокзал принимать арестованного царя. Все трое подписали смертный приговор Николаю II, а через 18 лет они были расстреляны по приказу Сталина…

…Я немного отклонился от изложения. Но отклонение это весьма убедительно говорит о начале термидора сталинскими подручными.

Кого убивали? Кого арестовывали?

Чекисты, сделав тщательный обыск, сказали Троцкому, что он до семи часов вечера будет находиться под домашним арестом, а потом его повезут в ссылку в город Алма-Ату.

Мне сообщила об этом по телефону жена Белобородова – Фаина Викторовна Яблонская, преподаватель истории России в Государственном институте журналистики, близкий друг жены Троцкого – Седовой. Она провожала семью Троцкого в ссылку до самого вагона на Казанском вокзале. (Жизнь Ф.В. Яблонской трагически оборвалась в 1937 году в Ростове-на-Дону, где ее расстреляли вместе с мужем.)

Фаина Викторовна просила меня немедленно известить об аресте Льва Троцкого всех наших товарищей, чтобы они организованно пришли к семи часам вечера на Казанский вокзал проститься с Троцким.

К указанному времени на Казанском вокзале собралось 10 тысяч коммунистов-оппозиционеров. Все вокзальные залы, перроны и пути были забиты пришедшим народом. Около двери валялись вещи Троцкого: узлы, чемоданы, книги. Здесь же на привязи находилась его охотничья собака в серых яблоках. Поезд уже стоял на парах.

В конце поезда был прицеплен пустой вагон с приспущенными белыми занавесками на окнах – это для перевоза Льва Троцкого вместе с его семьей.

Стрелки на часах показывали уже семь, а его еще не было.

Мы спрашивали чекистов, шнырявших между нами, о причинах задержки Троцкого, но они молчали.

На всех путях стихийно возникали митинги. Ораторы говорили о заговоре в Кремле против революции и Коммунистического интернационала. Неожиданно появилось множество портретов Троцкого, которые тут же расклеивались на вагонах, на стенах вокзального здания.

Часы шли, а Троцкого не было.

Мы волновались. Вся его прошедшая жизнь предстала перед нами как на ладони. «Как смеют они поднять руку на Троцкого?» – думали мы с возмущением. Немного на Земле было таких великих людей, которые посвятили всю свою жизнь всему человечеству. Лев Троцкий был гражданином мира. Гражданином всего мира.

Наконец на перроне показался машинист. Он был озабочен и торопился к паровозу. Мы остановили его и стали расспрашивать. Он вырывался и молчал. К нему на помощь подбежали чекисты и освободили из окружения.

Было уже 11 часов вечера, поезд дал сигнал к отходу. Мы не знали, что происходит. Льва Троцкого не было, а поезд собирался отправляться. Кто-то крикнул: «Троцкого от нас спрятали в вагоне!» С быстротой молнии передался этот крик по всему перрону. Мы вцепились в железные поручни, силясь остановить поезд. Мы хотели увидеть Троцкого. Но поезд набирал скорость и отбрасывал нас в разные стороны. Люди падали, и снова поднимались, и снова хватались за поручни вагонов. Поезд как будто замедлял ход, но это нам только казалось, что он замедляет движение. Многие из нас бежали вслед за поездом по шпалам и громко кричали, каждый на свой лад, выражая свое возмущение.

Мы остановились лишь тогда, когда поезда уже не было видно.

Каждый из нас ощущал невыносимую физическую усталость и глубокое душевное горе. Потрясенные происшедшим, мы возвращались по шпалам к зданию Казанского вокзала. У входных дверей его стояла возбужденная толпа малоизвестных людей и кричала:

– К Кремлю! К Кремлю! К Коминтерну!

В начале мы подумали, что это так громко кричат наши ультралевые, поддавшиеся чувству отчаяния. Но, присмотревшись, мы увидели, что большинство наших ультралевых товарищей стояли рядом с нами и категорически возражали против каких бы то ни было манифестаций и демонстраций.

Кричали провокаторы. Они толкали нас на демонстрацию по городу в целях создания против нас «дела» о волнениях и беспорядках в столице. Мы должны были быть к этому готовы и не поддаваться на эти провокации.

Сталинские ставленники распространяли против нас много всякой клеветы в газетах, на собраниях, обвиняя нас во всех смертных грехах. Мы отказались идти к Кремлю, к Коминтерну, мы разошлись по домам, запомнив эту ночь на всю жизнь.

На следующее утро мне опять позвонила Яблонская и рассказала грустную историю вчерашнего дня. Оказалось, что мы вчера провожали не Льва Троцкого, а его совершенно пустой вагон с белыми занавесками. Сталин испугался скопления большого количества оппозиционеров на вокзале и приказал ОГПУ перенести отъезд на другой день.

На сей раз он приказал произвести эту «операцию» в тишине, без предварительного предупреждения, чтобы об этом никто не знал.

Льва Троцкого забрали в два часа ночи, когда он уже спал. Накануне, в день отмены отъезда, Троцкому сказали, что его отъезд откладывается примерно на три дня. Он поверил этому и отдал в ремонт свои очки. Они у него были единственными. Но Троцкого грубо обманули и оставили без очков.

К дому на улицу Грановского подъехало семь машин с вооруженными гэпэушниками, которыми командовал особоуполномоченный коллегии ОГПУ Фишкин. Троцкий заявил Фишкину протест. Он потребовал немедленно соединить его по телефону с Орджоникидзе. Фишкин ответил, что «с Орджоникидзе соединить нельзя, но можно соединить с Куйбышевым или Менжинским, которые отвечают за операцию».

– С Куйбышевым разговаривать не буду, – сказал Троцкий. – Этого изменника нужно было расстрелять еще в 1918 году под Самарой… С Менжинским тоже не буду разговаривать – не люблю двуличных людей.

Он встал и пошел в соседнюю комнату, где были жена и сын.

Дверь за ним захлопнулась на замок.

ПУБЛИКАЦИЯ
ВЛАДИМИРА СОЛОВЬЕВА

Девицы для Его

СЕКСА В СССР, КАК ИЗВЕСТНО, НЕ БЫЛО. НО В ЖИЗНИ ЕГО РУКОВОДИТЕЛЕЙ ОН ИГРАЛ ОГРОМНУЮ РОЛЬ

Леонид ВЕЛЕХОВ

Узы брака так тяжелы, что иногда их приходится нести втроем.
Французская пословица

**Вопрос: Почему в стране стоят фабрики и заводы?
Ответ: В России всегда стоит не то, что надо.**
Из пресс-конференции председателя Правительства РФ В.С. Черномырдина

Такая вот фривольная, на первый взгляд, «легкая» тема – политические гиганты и секс в их жизни. Кто-то скажет: фи, публикация на потребу, достойная желтой прессы!

Никакой желтизны. Тем более что новых сенсаций, волнующих падкую на клубничку публику, мы не откроем. Все уже давно открыты. И, главное, задачи мы ставим перед собой другие.

Дело даже не только в том, что власть – сильнейший афродизиак. Но и в том, что именно сексуальные отношения очень полно раскрывают самый характер этой власти, сильных мира сего и эпохи, лицо которой они во многом определяют.

Россия – особая страна. У нас не принято публично говорить о сексе, тем более в приложении к крупным политическим фигурам, которых у нас вообще принято либо воспевать, либо распинать – никаких нюансов и полутонов. Тем не менее темой секса наполнена наша жизнь – в гораздо большей степени, чем жизнь западных обывателей. Просто десятилетиями сложившаяся система всевозможных идеологических табу вытеснила эту тему в область анекдотов, двусмысленных шуток и «оговорок по Фрейду». На них в России горазды все – от нежных нимфеток до матерых, занимающих крупное государственное положение мужей, один из которых процитирован в эпиграфе к этому повествованию.

У этой опасной темы есть свойство живой воды. При соприкосновении с ней оживают не просто давно умершие, но мифологизированные, мумифицированные, легендизированные, а потому всем приевшиеся и опостылевшие исторические фигуры. Через призму этой темы мы часто раскрываем их для себя заново. В отношении политических фигур это бывает особенно занимательно и поучительно. Это помогает нам понять не только их, но и эпоху, которая часто даже называется по их имени.

Втроем в опломбированном вагоне

Что мы знаем сегодня о Ленине? Иногда кажется, что все. Раскрыты за пресловутые последние два десятилетия многие архивные тайны, стала доступна та мемуарная литература, которая в СССР была под запретом; давно рассеялся, как утренний туман, образ «самого человечного человека», «дедушки Ленина», друга всех трудящихся на Земле. На его месте воцарился образ жестокого, беспощадного политика, все поверявшего циничным расчетом, готового заложить душу черту и дьяволу, сотрудничать с теми, с кем его страна воевала, ради того, чтобы добиться своей цели – прийти в этой стране к власти. Маньяк власти: таким в действительности, наверное, и был Владимир Ильич Ульянов-Ленин. Но ведь в какие-то моменты своей жизни он бывал и другим? Кого-то когда-то он целовал, любил, называл, как есенинский Черный человек, скверной девочкой и своею милою?

История официальной личной жизни Ильича не оставила нам свидетельств нежных чувств. С Крупской, судя по всему, его связывала в большей степени приверженность делу революции и, в лучшем случае, многолетняя привычка. Как свидетельствуют современники, нежности в их отношениях было немного. На людях Ленин мог назвать жену «мымрой». Возможно, он и не вкладывал в это оскорбительного содержания и желания обидеть, но тем хуже: такой стиль общения свидетельствовал о том, что в своей Надежде Константиновне он меньше всего видел женщину и возлюбленную.

ТАСС

ТАСС

**Трагическая, преждевременная смерть Инессы Арманд (на фото вверху) подкосила Ленина.
Эту женщину он действительно любил.
Но он же, по сути дела, обрек ее на гибель**

Но те же современники свидетельствуют, что большая любовь в жизни Ленина все-таки была. Советские биографы вымарали ее из жизнеописания вождя – обширная переписка Ленина и русской революционерки французского происхождения Инессы Арманд в советское время была опубликована лишь частично, и даже в опубликованных письмах были сделаны большие купюры. Мало кому другому Ленин написал столько писем. Конечно, и в этом продолжавшемся несколько лет романе (он начался в 1908 году) Ленин оставался Лениным, перемежая в своих письмах размышления на темы классовой борьбы сугубо личными пассажами, вроде: «О, мне хотелось бы поцеловать тебя тысячу раз, приветствовать тебя и пожелать успехов: я вполне уверен, что ты одержишь победу»…

Эта фраза написана по-французски и врезается в рассуждения о том, какими должны быть профсоюзы, или еще что-то в этом роде. Инесса Арманд в проявлениях своих чувств была куда лиричнее: «Тебя я в то время боялась пуще огня. Хочется увидеть тебя, но лучше, кажется, умереть бы на месте, чем войти к тебе, а когда ты почему-либо заходил в комнату Н.К., я сразу терялась и глупела. Всегда удивлялась и завидовала смелости других, которые прямо заходили к тебе, говорили с тобой… Я так любила не только слушать, но и смотреть на тебя, когда ты говорил. Во-первых, твое лицо так оживляется, и во-вторых, удобно было смотреть, потому что ты в это время этого не замечал»…

Или вот: «Расстались, расстались мы, дорогой, с тобой! И это так больно. Я знаю, я чувствую, никогда ты сюда не приедешь! Глядя на хорошо знакомые места, я ясно сознавала, как никогда раньше, какое большое место ты еще здесь, в Париже, занимал в моей жизни, что почти вся деятельность здесь, в Париже, была тысячью нитей связана с мыслью о тебе. Я тогда совсем не была влюблена в тебя, но и тогда я тебя очень любила. Я бы и сейчас обошлась без поцелуев, только бы видеть тебя, иногда говорить с тобой было бы радостью, и это никому бы не могло причинить боль. Зачем было меня этого лишать? Ты спрашиваешь, сержусь ли я за то, что ты «провел» расставание. Нет, я думаю, что ты это сделал не ради себя… Крепко тебя целую. Твоя Инесса»…

Крупская знала об их отношениях, несколько раз собиралась уйти, однако всякий раз Ленин ее удерживал. В 1915 году она поставила вопрос ребром: или она, или Арманд. Выбор вождя известен. Видимо, со спокойной, уравновешенной Крупской ему было комфортнее, чем с пылкой, романтичной Арманд. Между прочим, у Крупской с Арманд установились очень хорошие, дружеские отношения – зная все, Надежда Константиновна никогда этого не показывала, кроме нескольких, причем, видимо, совершенно не скандальных объяснений с мужем. И никогда не пыталась «выдавить» Арманд из круга близких ленинских друзей.

После 1915 года роман с Арманд как таковой сошел на нет, хотя близкие человеческие отношения продолжались. Они и возвращались из эмиграции в Россию в одном опломбированном вагоне, в одном купе – Ленин, Крупская и Арманд. После революции Ленин и вовсе оказался в плену других забот, хотя об Арманд не забывал, посылая ей записки, в которых спрашивал о здоровье детей, хлопоча о выделении для нее квартиры, продуктов, телефона и так далее. Чем жила она в то время? Судя по дневниковым записям той поры, ее чувства к Ленину не столько остыли, сколько сожгли ее изнутри:

«…Теперь я ко всем равнодушна. А главное – почти со всеми скучаю. Горячее чувство осталось только к детям и к В.И. Во всех других отношениях сердце как будто бы вымерло. Как будто бы, отдав все свои силы, всю свою страсть В.И. и делу работы, в нем истощились все источники любви, сочувствия к людям, которыми оно раньше было так богато… Я живой труп, и это ужасно».

Серго «устроил солнце»

Кроме всего прочего, как заморская птица, она, видимо, тосковала в совершенно ей чужой и чуждой России и мечтала уехать домой. Но уже тогда это было не так просто. Осенью 1920 года, когда, наверное, стало совсем невмоготу, она решилась, позвонила Ленину. Тот был занят, ответил запиской, в которой обращается на «вы», хотя всю жизнь был с ней, одной из немногих, на «ты»: «Дорогой друг! Грустно было очень узнать, что вы переустали и недовольны работой и окружающими (или коллегами по работе). Не могу ли помочь вам, устроив в санатории? С великим удовольствием помогу всячески… Если не нравится в санаторию, не поехать ли на юг? К Серго на Кавказ? Серго устроит отдых, солнце, хорошую работу наверно устроит. Он там власть… Подумайте об этом?..»

Помимо этого «вы», записка поражает своей бездушной, безличной холодностью, не позволяющей даже предположить, что ее автор обращается к своей пусть даже бывшей возлюбленной. Так, не без любезности, не по-хамски, отделываются от просителя. Он просит об одном, а ему предлагают всяческое содействие в получении чего-то другого, делая вид, что не понимают, о чем идет речь, и что предлагаемая замена совершенно неравноценна.

Мне кажется, Инесса все поняла. То есть по поводу чувств «В.И.» она давно, наверное, не питала никаких иллюзий.

превосходительства

Но теперь она поняла еще и то, что клетка захлопнулась и птичке в ней пропасть, родного французского солнца никогда больше не видать. Теперь ей солнце «устроит» только «Серго» – большевистский диктатор Закавказья Серго Орджоникидзе.

Обреченно она отправилась на Кавказ умирать. Через месяц с Кавказа пришла телеграмма: «Вне всякой очереди. Москва ЦЕКа РКП. Совнарком. Ленину. Заболевшую холериной товарища Инессу Арманд спасти не удалось точка кончилась 24 сентября точка тело препроводим Москву Назаров».

Говорят, больше никто и никогда, ни до, ни после, не видел Ленина плачущим. Он прислал на гроб венок из живых белых цветов с надписью на траурной ленте: «Товарищу Инессе от В.И. Ленина». Секретарь Третьего Интернационала Анжелика Балабанова описала его в день похорон: «Не только лицо Ленина, весь его облик выражал такую печаль, что никто не осмеливался даже кивнуть ему. Было ясно, что он хотел побыть наедине со своим горем. Он казался меньше ростом, лицо его было прикрыто кепкой, глаза, казалось, исчезли в болезненно сдерживаемых слезах…»

Ее прах захоронили в Кремлевской стене, хотя по своим революционным заслугам Инесса Арманд на такую честь не «тянула». В 1921 году Ленин отправил записку председателю Моссовета Каменеву с просьбой высадить цветы на могиле Арманд и поставить плиту. И при этом скромно добавил: «Может быть, в частном порядке?»

По мнению подруги Арманд, Александры Коллонтай, ее смерть подкосила Ленина: «Он не мог пережить Инессу Арманд. Смерть Инессы ускорила его болезнь, ставшую роковой…» Понимала это и чуткая Крупская, которая, по всей видимости, очень любила своего мужа. Чтобы как-то его, уже больного, морально поддержать, она выполнила его волю: в 1922 году в Горки были привезены из Франции дети Инессы Арманд. Правда, к Ленину их не допустили.

А когда Ленин умер, она обратилась к правительству с просьбой захоронить его останки вместе с прахом Инессы Арманд. Это был действительно красивый, великодушный жест, которого фарисейская мораль большевиков принять не могла. Сталин отверг это предложение. И не только отверг. Он потом шантажировал им беднягу Крупскую. Когда та осмеливалась высказывать какое-то свое особое мнение, он угрожал, что ее «разжалуют» из вдов Ленина, а на ее место «назначат» Арманд.

Так, символически и значимо, закончился этот роман. Даже свою любовь Ленин умудрился уничтожить, отказав ей в спасении и отправив фактически на смерть. Мрачная история. Но в ней хотя бы была любовь. И в жизни Ленина, короткой и безжалостно-целеустремленной, как остро заточенный штык, все-таки был эпизод с красивым названием «любовный роман».

«РИА НОВОСТИ»

Свою жену Надежду Сталин свел в могилу, если не уничтожил собственноручно. (На фото Н. Аллилуева сидит рядом с ним.) Оставшуюся жизнь он вдовел, но ложе с ним делили многие женщины. Молва приписывала роль сталинских наложниц балеринам Ольге Лепешинской, Марине Семёновой, оперным певицам Вере Давыдовой и Валерии Барсовой (четыре фото внизу)

Снохач

Таких названий мы не встретим в жизнеописании Сталина. И слово «любовь» здесь некуда вставить. И слово «слезы» – тоже. Ни на чьих похоронах он не плакал – в том числе собственной жены, покончившей с собой в результате счастливой семейной жизни. Впрочем, на похороны Надежды Аллилуевой он просто не пришел.

Как и во всем остальном, так и в своей сексуальной жизни Сталин был личностью абсолютно патологической. В туруханской ссылке, накануне революции, он жил с 14-летней девчонкой, Лидой Перепрыгиной, которая прижила от него двоих детей, коих он, естественно, не признал. Жандарму, предъявившему ему обвинение в растлении малолетней, он обещал, что женится на Лиде, но, как только срок наказания закончился, уехал из тамошних мест. Один из сталинских внебрачных детей умер в младенчестве, другого усыновил добрый малый, местный крестьянин, который взял Лиду замуж. А сама Лида еще долго писала Сталину письма, на которые он не отвечал. Все это не сплетни и не досужие домыслы, а факты, почерпнутые из секретного письма председателя КГБ Ивана Серова Никите Хрущёву от 18 июля 1956 года.

И Надежде Аллилуевой, когда он стал с ней сожительствовать, в 1917-м, было всего лишь шестнадцать. Существует, между прочим, и версия, согласно которой Надежда Аллилуева была сталинской дочерью, и однажды он ей сказал об этом (после чего их и без того тяжелые отношения превратились в сущий ад). Во всяком случае, по некоторым сведениям, с матерью Надежды, Ольгой, у 23-летнего Сталина была любовная интрижка во время его наездов в Баку в 1900–1901 гг. (Надежда Аллилуева родилась в сентябре 1901 года.)

После смерти Аллилуевой (опять же – помимо версии самоубийства, существует и версия, согласно которой она была собственноручно застрелена Сталиным), «отец народов» некоторое время сожительствовал с женой ее брата Павла, Женей Сванидзе. Потом род Сванидзе (а это были родные его первой, рано умершей жены Екатерины) Сталин извел почти под корень, равно как и род Аллилуевых. Не миновала кровавая коса и бедную Женю.

В таком богатом, помимо прочего, на фривольности русском языке есть слово «снохач». Оно обозначает носителя особой разновидности эдипова комплекса, так сказать, этого комплекса наоборот – любителя переспать с собственными молодыми родственницами и свойственницами. В богатой моральными достоинствами личности Сталина он занимал важное место наряду с комплексом растлителя малолеток. Собственно, это две стороны одной медали. А сама «медаль» – патологическая личность, в своих сексуальных отношениях стремящаяся прежде всего унизить, растоптать женщину и за счет этого самоутвердиться, доказать ей, себе, городу и миру свое превосходство.

И плат узорный до бровей

Интересно, что по мере самоутверждения «комплекс снохача» постепенно оставляет Сталина. На смену ему приходит другой вытесненный комплекс, связанный с его национальностью, которую Сталин всю жизнь ненавидел и стыдился, и внешней неказистостью – малым ростом прежде всего. Любовницы всесильного Сталина, окончательно расправившегося с противниками, подлинными и мнимыми, и в одиночестве воцарившегося на кремлевском олимпе, – статные русские красавицы. Они как бы символизируют собой власть над главным, титульным, как теперь говорят, народом подмятой под себя и изнасилованной Сталиным России. Народом, который пострадал от сталинщины больше всех прочих и этническая непринадлежность к которому так тяготила тирана. Это ведь миф, что Сталин любил Грузию. Он ее любил только на обеденном столе: желудку и его пристрастиям и привычкам не прикажешь. Он ненавидел ее, как современный скинхед ненавидит «лиц кавказской национальности». Ненавидел свой уродливый, сильнейший акцент, от которого так и не смог избавиться, прожив в Москве большую часть жизни. Ненавидел восточные черты лица, которые неизменно «облагораживались» и «славянизировались» ретушерами в газетах. Неслучайно, когда Сталина в кино впервые сыграл русский актер Алексей Дикий (до этого играли только грузины) – и сыграл, на свой страх и риск, без традиционного грузинского акцента в речи и без подчеркивания восточных черт лица при помощи грима, – Сталин тут же предпочел его исполнение всем прочим.

То же случилось и с сексуальными предпочтениями тирана, начиная со второй половины 1930-х годов. Его «наложницами» – назовем их так, на восточный манер – становятся актрисы главного театра страны, Большого: балерины Марина Семёнова и Ольга Лепешинская, оперные певицы Вера Давыдова, Валерия Барсова, Наталия Шпиллер. Почти ▶

«РИА НОВОСТИ»

«РИА НОВОСТИ»

«РИА НОВОСТИ»

«РИА НОВОСТИ»

«РИА НОВОСТИ»

«РИА НОВОСТИ»

Леонид Ильич Брежнев чувствовал себя в женском окружении как рыба в воде. И женщины к нему льнули, причем не только из-за его высокого положения, но и, безусловно, из-за незаурядного мужского обаяния (фото вверху и внизу)

все они, впрочем, отрицали факт любовной связи со Сталиным. Но молва – причем в те годы, когда говорить на такие темы было просто опасно – многократно повторяла именно эти имена, никакие другие. Женщин можно понять: когда на эти темы стало можно говорить, все они были уже в возрасте, у них были дети и внуки… Да и кто признается в романе с дьяволом?

Только Вера Давыдова в записанных с ее слов в начале 1990-х воспоминаниях решилась это сделать, предпослав повествованию такой пассаж: «Я – актриса! И, пожалуй, мне единственной на всем белом свете недоверчивый Сталин поверил до конца... Много лет я вела двойную жизнь, которую приходилось делить между театром – репетициями, спектаклями, концертами – и его страстными, порой истерично-бурными ласками. Говорю об этом, потому что хочу, чтобы после моей смерти человечество узнало и другого Сталина – обнаженного».

На самом деле обнаженный Сталин оказался ничуть не лучше и нисколько не привлекательнее одетого. Вот, в частности, как она вспоминает их первую встречу, на которую она приехала в специально поданной за ней машине, после спектакля, не вполне точно еще зная (хотя, конечно, предполагая), зачем ее вызвали к всемогущему богу: «После крепкого горячего кофе, вкуснейшего грога стало совсем хорошо. Боязнь и растерянность улетучились. Я пошла за ним. Оказалось, что И.В. ростом ниже меня. Мы вошли в комнату, где стояла большая низкая кушетка. Сталин попросил разрешения снять френч. На плечи он накинул восточный халат, сел рядом, спросил: «Можно потушить свет? В темноте легче разговаривать». Не дождавшись ответа, он погасил свет. И.В. меня обнял, умело расстегнул кофточку. Сердце мое затрепетало. «Товарищ Сталин! Иосиф Виссарионович, родненький, не надо, я боюсь! Пустите меня домой!..» На мой жалкий лепет он не обратил никакого внимания, только в темноте загорелись ярким пламенем его звериные глаза. Я еще раз попыталась вырваться, но все было напрасно».

Такая вот любовь – с первого взгляда. Сталинского. Их отношения продолжались 19 лет. После смерти Сталина Давыдова оставила Большой – хотя ей было всего 47 лет, возраст для певицы отнюдь не преклонный, – уехала из Москвы в Тбилиси, где вела тихую, уединенную жизнь, преподавая в местной консерватории. В переезде в Тбилиси особенного знака судьбы усматривать не стоит: просто всю жизнь Давыдова была замужем за грузином, также оперным певцом Мчелидзе (Южным), на его родину они и вернулись после смерти другого грузина. Впрочем, не то грузина, не то осетина – даже это нам до сих пор о Сталине доподлинно не известно.

Еще одна многолетняя пассия Сталина была в том же, исконно русском стиле, хотя и не пела в Большом. Деревенская девушка Валя Истомина попала в сталинскую обслугу на даче в Зубалово в 1935 году, когда ей было 18 лет. Вплоть до 1952 года она проработала у него, совмещая обязанности экономки и любовницы. За год до сталинской смерти ее фактически изнасиловали давно за ней охотившийся начальник сталинской охраны генерал Власик и тоже с некоторых пор положивший на нее глаз Берия. Узнав об этом, Сталин избил Валентину и отправил в лагерь, откуда она вернулась за несколько недель до сталинской смерти. По свидетельству Светланы Аллилуевой, никто так искренне не горевал у остывавшего сталинского тела, как она: «Пришла проститься Валентина Васильевна Истомина – Валечка, как ее все звали, – экономка, работавшая у отца на этой даче лет восемнадцать. Она грохнулась на колени возле дивана, упала головой на грудь покойнику и заплакала в голос, как в деревне. Долго она не могла остановиться, и никто не мешал ей. ...До последних дней своих она будет убеждена, что не было на свете человека лучше, чем мой отец».

Вот и пойми после этого женщин!

Непременносразоблачением

Советская эпоха во всем была двуличной. В сфере личной морали эта двойственность выражалась сильнее всего. Большие начальники произносили высокие слова о нормах социалистической морали и ее преимуществе над буржуазной, о разложении и загнивании империализма. А сами разлагались так, как никакому империализму не снилось. Жить на две семьи было для начальников в порядке вещей и не предел возможностей. Выведенный Булгаковым в «Мастере и Маргарите» председатель акустической комиссии московских театров Аркадий Аполлонович Семплеяров взят, что называется, с натуры. На Воландовом сеансе в Варьете, как читатель помнит, Аркадий Аполлонович, чувствуя свою высокую ответственность за идеологическое наполнение представления, требует от Бегемота и Коровьева «разоблачить технику фокусов», опасаясь, что без разоблачения «блестящие номера» оставят у «зрительской массы» «тягостное впечатление». И получает «разоблачение»:

– Зрительская масса, – перебил Семплеярова наглый гаер, – как будто ничего не заявляла? Но, принимая во внимание ваше глубокоуважаемое желание, Аркадий Аполлонович, я, так и быть, произведу разоблачение. Но для этого разрешите еще один крохотный номерок?

– Отчего же, – покровительственно ответил Аркадий Аполлонович, – но непременно с разоблачением!

– Слушаюсь, слушаюсь. Итак, позвольте вас спросить, где вы были вчера вечером, Аркадий Аполлонович?

При этом неуместном и даже, пожалуй, хамском вопросе лицо Аркадия Аполлоновича изменилось, и весьма сильно изменилось.

– Аркадий Аполлонович вчера вечером был на заседании акустической комиссии, – очень надменно заявила супруга Аркадия Аполлоновича, – но я не понимаю, какое отношение это имеет к магии.

– Уй, мадам! – подтвердил Фагот, – натурально, вы не понимаете. Насчет же заседания вы в полном заблуждении. Выехав на упомянутое заседание, каковое, к слову говоря, и назначено-то вчера не было, Аркадий Аполлонович отпустил своего шофера у здания акустической комиссии на Чистых прудах (весь театр затих), а сам на автобусе поехал на Елоховскую улицу в гости к артистке разъездного районного театра Милице Андреевне Покобатько и провел у нее в гостях около четырех часов.

– Ой! – страдальчески воскликнул кто-то в полной тишине.

Молодая же родственница Аркадия Аполлоновича вдруг расхохоталась низким и страшным смехом.

– Все понятно! – воскликнула она, – и я давно уже подозревала это. Теперь мне ясно, почему эта бездарность получила роль Луизы!

И, внезапно размахнувшись коротким и толстым лиловым зонтиком, она ударила Аркадия Аполлоновича по голове.

Подлый же Фагот, и он же Коровьев, прокричал:

– Вот, почтенные граждане, один из случаев разоблачения, которого так назойливо добивался Аркадий Аполлонович!

– Как смела ты, негодяйка, коснуться Аркадия Аполлоновича? – грозно спросила супруга Аркадия Аполлоновича, поднимаясь в ложе во весь свой гигантский рост.

Второй короткий прилив сатанинского смеха овладел молодой родственницей.

– Уж кто-кто, – ответила она, хохоча, – а уж я-то смею коснуться! – и второй раз раздался сухой треск зонтика, отскочившего от головы Аркадия Аполлоновича.

– Милиция! Взять ее! – таким страшным голосом прокричала супруга Семплеярова, что у многих похолодели сердца.

А тут еще кот выскочил к рампе и вдруг рявкнул на весь театр человеческим голосом:

– Сеанс окончен! Маэстро! Урежьте марш!!

Ополоумевший дирижер, не отдавая себе отчета в том, что делает, взмахнул палочкой, и оркестр не заиграл, и даже не грянул, и даже не хватил, а именно, по омерзительному выражению кота, урезал какой-то невероятный, ни на что не похожий по развязности своей марш.

На мгновенье почудилось, что будто слышаны были некогда, под южными звездами, в кафешантане, какие-то ма-

«РИА НОВОСТИ»

лопонятные, но разудалые слова этого марша:

Его превосходительство
Любил домашних птиц
И брал под покровительство
Хорошеньких девиц!!!

Аркадий Аполлонович Семплеяров навеян видным коммунистом, советским партийным и государственным деятелем Авелем Сафроновичем Енукидзе, близким другом Сталина, вошедшим в историю в основном двумя деяниями – тем, что подписал драконовский «закон о колосках» в 1932 году, и тем, что развел вокруг себя в ЦИКе, которым руководил, такую «малину», что последний портовый бордель на загнивающем Западе показался бы по сравнению с этим ЦИКом воскресной школой.

Собственно, эта самая новая советская элита, с одной стороны, бесилась с жиру, в то время как миллионы в стране жили впроголодь, а то и вовсе умирали с голоду или получали 10 лет лагерей за «кражу» нескольких колосков с колхозных полей. А с другой – топила в этом загуле и разврате свой страх перед тем, что сталинская кровавая коса неизбежно доберется и до них, сегодняшних небожителей. Добралась она до Енукидзе, добралась и до других Семплеяровых, полу-Семплеяровых, Семплеяровых-в-квадрате, вовсе-не-Семплеяровых… Безнаказанно жить так, как он хочет, в полном противоречии с какими бы то ни было моральными нормами, в Советской России можно было только одному человеку. Даже Берия с его семью сотнями любовниц – да каких там любовниц, просто имевших несчастье попасться ему на глаза, выдернутых его тонтон-макутами и изнасилованных им в особняке во Вспольном переулке девчонок и женщин – даже Берия, думаю, боялся, что когда наконец сталинский кулак обрушится на его плешивый затылок, то припомнят ему и все его похождения…

Секс-символ ЦК КПСС

В таких уродливых противоречиях не жила даже, а корчилась властная верхушка страны – так называемая советская элита. Как седло постоянно массировало простату древних кочевников, обеспечивая тем самым их высокий сексуальный потенциал, так сексуальная энергия высшей советской номеклатуры словно постоянно стимулировалась пароксизмами страха. Война, которая, как известно, «все спишет», добавила сюда новых острых ощущений и новую практику ППЖ – походно-полевых жен, когда к штабным поездам некоторых особо выдающихся военачальников был прицеплен специальный вагон с «девочками для развлечений». Было и такое. И Сталин, конечно, смотрел на все это сквозь пальцы для того, чтобы в необходимый момент выложить компромат на стол, взять железной рукой недавнего фаворита за одно место и, как сказано у Эрдмана, вырвать с корнем его половую распущенность. Все под Сталиным ходили и понимали, что весь этот «красный бомонд» для каждого из них – до поры до времени.

После смерти Сталина измученная страхом элита захотела наконец избавиться от этой страшной раздвоенности существования, расслабиться, пожить спокойно, размеренно, по-буржуазному. Если изменять женам, то тоже – спокойно, по-буржуазному. Собственно, именно здесь, когда стал разрушаться созданный Сталиным порядок, при котором вся страна – не только низы, рабочие, крестьяне и трудовая интеллигенция, но и верховная номенклатура – чувствовали себя узниками одного большого лагеря и жили без всякой уверенности, что завтрашнее утро встретят на свободе, и пролегает тот рубеж, с которого началось разрушение советской системы. И именно личная жизнь, в которой новая номенклатура наконец вполне откровенно, лишь слабо камуфлируя это, стала дрейфовать к «загнивающему Западу», показательна в этом смысле в первую очередь.

Никита Хрущёв, впрочем, в этом отношении фигура переходная и не очень выразительная. Он жил еще старыми нормами и комплексами, особенно в сфере личных привычек. При этом Семплеяровым он никогда не был: примерный семьянин, даже, кажется, ППЖ на фронте не завел.

Зато сменивший его Леонид Брежнев – персонаж в свете нашего повествования ключевой и яркий. Именно с ним приходит в жизнь советской номенклатуры отчетливо выраженный культ «дольче вита». Это был единственный наш руководитель, который в лучшие свои годы вполне соответствовал характеристике «плейбой». Все было при нем – фактура, харизма, желание и умение хорошо одеваться.

Ну, и главное увлечение брежневской жизни, без которого настоящего плейбоя нет. Я имею в виду, конечно, женщин. Вот Владимир Владимирович Путин и атлетичен, и одевается с иголочки, и фотографируется обнаженным по пояс. А все эти слагаемые плейбоя из него не делают, главного не хватает. Когда ему попытались это слагаемое добавить, запустив уже упоминавшуюся «утку» про роман с гимнасткой, реакция Путина доказала: репутация добропорядочного семьянина и христианина для него дороже имиджа плейбоя.

Леонид Ильич явно был устроен по-другому, нежели Владимир Владимирович. Тоже, конечно, главное увлечение и слабость своей жизни не афишировал, но вся страна знала, какое у него главное хобби. Несмотря на то что советская печать, в отличие от российской современной, о таких материях не писала.

Коллекция брежневских женщин куда богаче коллекции его автомобилей, несмотря на всю уникальность последней. Просто первую он собирал всю жизнь, а вторую – лишь с той поры, как поселился на кремлевском олимпе. Отсюда и разная их ценность. Да и вообще – что такое самый распрекрасный автомобиль против красивой женщины? Лишь средство передвижения, на котором можно с этой женщиной прокатиться, лишний раз сведя ее с ума.

ДМИТРИЙ ДУХАНИН / КОММЕРСАНТЪ

Владимир Владимирович и Людмила Александровна Путины

Любимая коллекция Леонида Ильича была начата на войне ППЖ – походной полевой женой – медсестрой Тамарой, из-за которой сразу после войны он едва не разошелся с терпеливой Викторией Петровной, а закончена ставшей теперь уже легендарной, увековеченной в телесериале медсестрой Ниной, которую последние годы жизни он буквально от себя не отпускал. А между двумя медсестрами были певица из Сочинской филармонии Анна Шалфеева (между прочим, первая исполнительница песни «На позицию девушка провожала бойца»), некая Мария, руководившая прислугой в госрезиденции «Заречье», еще одна медсестра, Анна, из санатория «Барвиха», дочь болгарского генсека Живкова Людмила – женщина не только красивая, но и умная и образованная (она покончила с собой в возрасте 38 лет, за год до брежневской смерти). И многие другие. В свое время я уже пополнил эту коллекцию собственным рассказом о том, как в 1980-е годы, во время командировки в Запорожье, мои тамошние друзья-актеры познакомили меня с капельдинершей местного театра. Ей было лет, видимо, под шестьдесят, но мужчины и в те годы обращали внимание на ее удивительную, величественную красоту. В ее жизни, судя по всему, было много романтических воспоминаний. Но как одно из самых красивых она хранила память об ухаживаниях молодого Леонида Ильича (он работал в тех краях и до, и после войны). Рассказывала, как он возил ее купаться на Днепр: «А как я выкупаюсь, так он машину прямо в воду загоняет, меня на руки берет и несет, чтобы я ножки в песочке не пачкала».

Облико аморале

Наша новая, послесоветская эпоха еще не выработала ни своего стиля, ни своего отношения к тому, что до сих пор на старинный лад церемонно называется адюльтером. Все наши ориентиры в этом отношении (как, впрочем, и во многих других) сбиты: что называется, от одного берега отплыли – к другому так и не пристали.

Да и вообще моральное сознание русского человека, что называется, темный лес, до такой степени оно мифологизировано и запутано. Для западного обывателя вопрос чистоты морального облика политического деятеля принципиален, поэтому такой резонанс имеют так называемые сексуальные скандалы. Для российского обывателя это вопрос из разряда занимательных, не более того. Трудно даже предугадать, как российское общество отреагирует на новость о супружеской измене того или иного широко известного публичного лица. В одних случаях удивится, в других скажет: «Какой молодец!» Поэтому и те немногие сексуальные скандалы, которые имели место в послесоветской действительности, вызвали большой праздный интерес, и все.

Что ценит русский человек выше – облико морале или облико аморале?

Никто не ответит на этот вопрос. Михаил Горбачёв не пил, не курил, глаз не сводил со своей Раисы Максимовны – и во многом из-за этого не нравился обывателю.

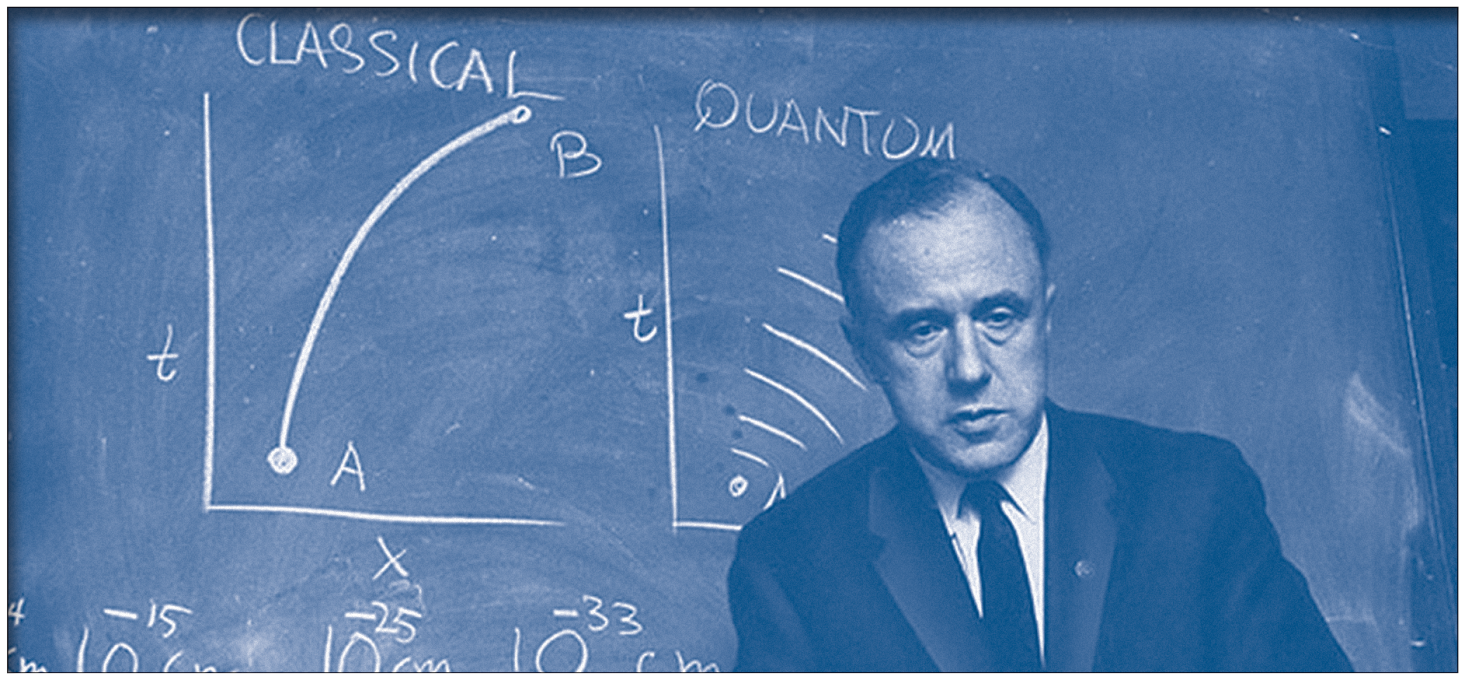
Борис Ельцин явил ему противоположность – пил, падал с моста в ходе каких-то безумных амурных похождений, щипал при включенных телекамерах стенографисток – и этим чрезвычайно понравился обывателю. Потом ровно из-за этого и разонравился. Владимир Путин, которого страна полюбила именно на контрасте с «аморальным» Ельциным, очень тщательно продумывает свой имидж и дозированно дополняет его новыми чертами. Поначалу он вообще напоминал протестантского пастора в своем непропорционально длинном черном пиджаке. И образ плейбоя в «прикиде» от Timberland появился далеко не сразу. Но как только этот образ желтая пресса попыталась по собственному разумению дополнить решающей краской, приписав Путину адюльтер (и возможно, думая, что таким образом она, как говорят картежники, «влистит» лидеру-популисту), она была самым жестким образом одернута.

Следующий лидер – как во всем, так и в этом – копировал своего наставника и патрона. Перед нами явился Владимир Путин того самого, первого периода. Застегнутый на все пуговицы яппи – такое впечатление, что они застегнуты, даже когда он снимает галстук и расстегивает аккуратно верхнюю пуговичку, – образец для подражания во всем. Вступая на пост главы государства, Путин был женат первым и единственным браком. Какие тут могут быть, как пел Высоцкий, вопросы о спальне?

Но все-таки, в отличие от СССР, существование секса в современной России официально признано. А секс, как со свойственной ему наблюдательностью заметил Виктор Черномырдин, «это тоже форма движения». А движение – это все, как еще раньше заметил духовный отец г-на Черномырдина и всех наших остальных руководителей Карл Маркс. Доказательством этому может быть разрыв четы Путиных.

Аргонавты XXI века

Алексей ЛЕВИН



Американский физик Джон Арчибальд Уилер, автор термина «черная дыра»

ЭТО СЕКРЕТНОЕ СООБЩЕСТВО АМЕРИКАНСКИХ УЧЕНЫХ РАБОТАЕТ НА ОБОРОНУ СТРАНЫ. НО ТОЛЬКО ВО ВРЕМЯ КАНИКУЛ

Испокон веков таланты ученых применялись на полях сражений. Во времена Второй Пунической войны боевые машины Архимеда сильно затруднили римлянам осаду Сиракуз. С успехом использовала ученых Французская республика: создатель начертательной геометрии Гаспар Монж реорганизовал артиллерийскую промышленность, а химики Клод Бертолле и Жан-Антуан Шапталь наладили производство селитры, необходимой для изготовления пороха. На Первой мировой наука широко обслуживала фронт (не случайно эту войну называли войной химиков). Дальше по нарастающей – развитие авиации, новые сплавы, мощные взрывчатые вещества, радары и сонары, ракеты, ядерное оружие, компьютеры... Сегодня никого не удивляет, что оборонные ведомства предоставляют работу огромному количеству специалистов с академическими степенями.

Считается, что тоталитарные режимы засекречивают участие научной элиты в военных программах, а в демократических странах оно проходит открыто. В принципе это верно, но, как говорится, возможны варианты. Скажем, тридцать пять лет назад американцы с удивлением узнали, что в их стране существует законспирированное общество физиков, консультирующих Министерство обороны. К нему принадлежали не какие-то безымянные технари с докторскими дипломами, а университетские профессора с заоблачной международной репутацией, в том числе нобелевские лауреаты. Это общество действует и сейчас.

Догнать и перегнать СССР

В июне 1945 года, за месяц до испытания первой атомной бомбы в штате Нью-Мексико, семеро американских физиков-ядерщиков подготовили обзор проблем, порожденных созданием ядерного оружия. Документ на шестнадцати страницах был немедленно запрятан в надежные сейфы и лишь годы спустя стал достоянием общественности. Его авторы (все – участники Манхэттенского проекта, в рамках которого была создана атомная бомба) категорически возражали против боевого применения ядерного оружия и настаивали на создании интернациональных институтов, обеспечивающих контроль за ядерными технологиями. Они также предупреждали, что Советский Союз быстро догонит Америку в разработке ядерных вооружений и что эта гонка начнется «не позднее, чем на следующее утро» после того, как мир узнает об американской бомбе.

В Вашингтоне этот прогноз всерьез не приняли, однако он полностью оправдался. Уже к середине 1950-х годов СССР имел и атомные, и термоядерные бомбы. Летом 1957 года состоялся успешный запуск, межконтинентальной баллистической ракеты Р-7. Четвертого октября того же года ушла в космос модифицированная версия этой ракеты с первым искусственным спутником весом 83,6 кг. 3 ноября такая же ракета доставила в околоземное пространство второй советский спутник, который весил 508 кг. Этот запуск вызвал шок у американских военных, поскольку тогдашние термоядерные боеголовки имели примерно такую же массу. Стоит напомнить, что четырнадцатикилограммовый Explorer-1, первый американский ИСЗ, ушел в космос с мыса Канаверал без малого через три месяца.

Реакция Вашингтона не заставила себя ждать. В ноябре 1957 года президент Дуайт Эйзенхауэр учредил пост советника Белого дома по делам науки и президентский комитет научных консультантов. В январе 1958-го министр обороны Нейл Макэлрой создал в своем ведомстве управление перспективных исследовательских проектов (Advanced Research Projects Agency, ARPA). Предполагалось, что оно в первую очередь займется космическими вооружениями и противоракетной обороной. В декабре Макэлрой добавил к числу структур Пентагона офис директора Оборонных исследований и разработок для курирования научно-технических проектов военного назначения. Его возглавил Герберт Йорк: несколько лет он руководил Ливерморской национальной лабораторией, где разрабатывали водородную бомбу, а затем был главным научным специалистом ARPA. Именно он через два года стал крестным отцом «научного ордена» пентагоновских советников.

Рожденный дважды

Крестным отцом – но не инициатором. Первый шаг к его созданию сделал Джон Арчибальд Уилер, блестящий физик и космолог, придумавший такие известные термины, как «черная дыра», «червоточина в пространстве-времени» и «квантовая пена». Впрочем, это случилось позднее, а в 1940–1950-е годы Уилер занимался в основном оборонными проектами. Он принимал участие в разработке атомного и водородного оружия и был его ярым пропагандистом, чем немало огорчал своих более миролюбивых коллег. Советские успехи в освоении космоса Уилер воспринял как личную трагедию и повод к решительным действиям. Он привлек к сотрудничеству будущего нобелевского лауреата по физике Юджина Вигнера и профессора экономики Оскара Моргенштерна, одного из создателей теории игр. Вместе с ними Уилер начал пробивать идею создания исследовательской лаборатории национальной безопасности, используя официальные каналы и личные связи. Вскоре к ним присоединился 36-летний Марвин Гольдбергер, тоже известный физик-теоретик, работавший для Манхэнттенского проекта, а в 1970-е годы занявший должность президента Калифорнийского технологического института.

Поначалу казалось, что эта затея выгорит – под «проект 137» ARPA выделило 50 тысяч долларов (по тем временам вполне приличные деньги). Это название, придуманное Уилером, для физиков имеет особый смысл, поскольку ассоциируется с фундаментальной атомной константой – постоянной тонкой структуры. Организаторы созвали на совещание в Вашингтон пару десятков физиков, которым представители Пентагона рассказали о своих нуждах. Участники конференции внимательно их выслушали и даже подготовили ответный доклад, но на том дело и закончилось. Военные потеряли интерес к проекту, и в начале 1959 года его прикрыли.

Однако идея носилась в воздухе. Ее подхватили трое калифорнийских физиков – Кеннет Уотсон, Кейт Бракнет и все тот же Гольдбергер. Все они подрабатывали консультациями для военно-промышленных корпораций и подумывали, не открыть ли для этой цели собственную мини-компанию. Об этом прослышал профессор Колумбийского университета Чарльз Таунс, один из создателей квантовых генераторов электромагнитного излучения, мазеров и лазеров. Он еще не стал лауреатом Нобелевской премии, но был уже знаменитостью. Таунс занимал и еще одну должность – вице-президента независимого вашингтонского аналитического центра под названием Институт оборонного анализа (Institute for Defense Analysis, IDA), работавшего под эгидой Массачусетского технологического института. Фактически этот центр являлся организацией-посредником – военное начальство уровня Объединенного комитета начальников штабов и секретариата министра обороны через него приглашало видных исследователей для оценки конкретных проектов. Таунс пришел туда из патриотических побуждений и быстро обзавелся высокими знакомствами.

Классик квантовой электроники доложил о намерениях Уотсона сотоварищи самому министру обороны Макэлрою, и тот пришел к выводу, что они осуществимы. С благословения главы Пентагона Таунс убедил калифорнийскую тройку, что их планы легче всего осуществить через IDA. Герберт Йорк одобрил создание при этом институте независимой группы консультантов и разрешил ARPA выделить ей 250 тысяч долларов на первое время. Проект получил кодовое название «Восход солнца», но калифорнийцам оно не понравилось, поскольку могло восприниматься как намек на взрыв супербомбы. Тогда жена Голдбергера предложила, чтобы муж и его единомышленники именовали себя Ясонами в честь предводителя аргонавтов. На том и порешили.

Дело пошло без задержек. Уотсон, Брюкнер и Гольдбергер еще раньше составили список предполагаемых сотрудников своей компании и даже успели ввести в нее тридцатилетнего Марри Гелл-Манна, одного из крупнейших физиков-теоретиков послевоенного поколения, будущего изобретателя кварков (Нобелевская премия 1969 года). Вчетвером они кооптировали себя в оргкомитет группы. 17 декабря 1959 года квартет провел первое заседание, на котором выступил научный советник Белого дома известный физический химик Джордж Кистяковский (в былой жизни уроженец города Киева отзывался на имя-отчество Георгий Богданович). Организаторы пригласили еще три десятка первоклассных физиков, которых рассчитывали вовлечь в свою группу. Пришло 22 человека, из них семеро впоследствии удостоились Нобелевских премий. Хотя история «Ясонов» началась с момента этой встречи, официальным днем их рождения считается 1 января 1960 года.

Место встречи можно изменить

С самого начала структура союза «Ясонов» была проста. Во главе его на общественных началах стояли председатель и оргкомитет. Единственным штатным сотрудником был физик Дэвид Кетчер, которого Институт оборонного анализа нанял на должность адми-нистратора.

«Ясоны» первого поколения были университетскими профессорами и уделяли дополнительным обязанностям лишь каникулы. Ежегодно по весне, обычно в апреле, члены оргкомитета встречались с представителями Пентагона, узнавали об их нуждах, производили первичную селекцию заданий и представляли их на рассмотрение собратьев по обществу. Никакой принудиловки не было: каждый «Ясон» пользовался правом выбора темы по своему вкусу, а также мог в любой момент выйти из общества без всяких последствий. В июне и июле «Ясоны» собирались шестинедельную рабочую сессию. Они принимали участие в брифингах с заказчиками, после чего приступали к работе в собственных комнатах. Любопытно, что использование компьютеров не поощрялось: «Ясоны» должны были полагаться только на собственные мозги. Первое лето они провели в Беркли

в Радиационной лаборатории имени Лоуренса, второе – в кампусе малоизвестного колледжа в штате Мэн, третье – опять в Беркли, четвертое – в усадьбе на берегу Атлантического океана, принадлежавшей Национальной академии наук. Места встреч менялись и в дальнейшем, как-то «Ясоны» даже заседали в опустевшей частной школе-пансионе. Собирались они также в ноябре и в январе, но всего на пару недель.

ARPA в те времена изучало возможность создания национальной системы противоракетной обороны. Об этом США задумались за четверть века до рейгановской «стратегической оборонной инициативы» (более известной как «звездные войны»). Эта программа имела кодовое название «Защитник» (Defender) и обходилась в сто с лишним миллионов долларов в год, то есть примерно в половину бюджета ARPA. «Ясонов» попросили подумать, сможет ли нападающая сторона (СССР разумеется) укрыть запуск боевых ракет с помощью ядерного взрыва, маскирующего тепловое излучение разгонных двигателей. «Ясоны» ответили, что подобного эффекта можно достичь лишь мультимегатонными взрывами на собственной территории, на что не пойдут даже коммунисты. Другое «предложение к размышлению», связь с подводными лодками на сверхдлинных радиоволнах, опередило свое время, но позже все же было реализовано в эксперименте (только в 2004 году командование американских ВМФ объявило, что эта программа аннулируется, поскольку для решения той же задачи имеются более простые методы). «Ясоны» занимались и мониторингом ядерных испытаний. С помощью созданных для этой цели спутников семейства Vela, к которым «Ясоны» приложили руку, в 1969 году были зарегистрированы вспышки сверхмощного космического гамма-излучения. Это стало крупнейшим астрофизическим открытием.

Тропой Хо Ши Мина

В середине 60-х годов «Ясоны» процветали. Их численность не превышала четырех десятков человек. В общество входили блестящие физики среднего и младшего поколений. Помимо тех, о ком уже упоминалось, можно назвать принстонского профессора Вэла Фитча, профессоров Калифорнийского университета Луиса Альвареса и Стивена Вайнберга, профессора Колумбийского университета Леона Ледермана. Все они впоследствии были удостоены Нобелевских премий за разные работы. Еще четыре гиганта физической науки были неофициальными советниками «Ясонов» – Уилер, Вигнер, Ханс Бете и Эдвард Теллер. В Пентагоне оценили качество ясоновских докладов и увеличили их бюджет до полумиллиона. (В те годы зарплата американского профессора физики составляла 12–15 тысяч в год, так что несколько тысяч от ARPA были очень приличной прибавкой к заработку.)

Однако именно эти успехи стали причиной кризиса, который едва не привел к самороспуску общества. Пентагон начал подключать «Ясонов» к решению задач, связанных с войной во Вьетнаме. В 1964 году известный физик Уильям Ниренберг анализировал возможность применения приборов ночного видения для борьбы с партизанами. В августе 1966 года «Ясоны» вместе с группами гражданских экспертов оценили эффективность американских бомбежек Северного Вьетнама. (Эксперты пришли к заключению, что такая стратегия обречена на неудачу, однако военное командование их не услышало.) «Ясоны» также анализировали перспективы применения в Индокитае тактического ядерного оружия и решительно высказались против этой идеи.

Кроме того, «Ясонам» поручили поразмышлять, как бы перекрыть Тропу Хо Ши Мина – тайную трассу, по которой с севера на юг Вьетнама переправляли солдат и боеприпасы. Ниренберг и его коллеги предложили разбрасывать там электронные датчики, способные обнаружить движение людей и техники и дать сигнал бомбардировщикам. Осенью 1966 года руководитель Пентагона Роберт Макнамара поддержал эти рекомендации, а

Знаменитая Тропа Хо Ши Мина

чуть позже они были одобрены президентом Линдоном Джонсоном.

«Антиинфильтрационный барьер», как его назвали военные, был и в самом деле создан, правда, только с использованием сенсоров, реагирующих на движение грузовых машин, да и то не на всей Тропе Хо Ши Мина. Сейчас считают, что этот барьер был прототипом всех позднейших систем электронной поддержки сухопутных боевых операций, в том числе во время войн в Персидском заливе. Американское командование во Вьетнаме утверждало, что барьер позволил уменьшить интенсивность грузопотоков по тропе на 80 процентов, хотя, по всей вероятности, эффект был много меньшим. Как бы то ни было, северяне продолжали активные действия в Южном Вьетнаме.

А над «Ясонами» вскоре разразилась гроза. В апреле 1970 года Комитет за мобилизацию студентов против войны во Вьетнаме обнародовал кое-какие сведения о деятельности «Ясонов», позаимствованные из похищенных протоколов заседаний трехлетней давности. Но это было только начало. 13 июня 1971 года газета «Нью-Йорк таймс» приступила к публикации прогремевшей на весь мир серии статей, известных как «Документы Пентагона», The Pentagon Papers. Они представляли собой извлечения из толстенной – 47 томов! – засекреченной истории американской политики во Вьетнаме, подготовленной когда-то по распоряжению Макнамары. В этих статьях упоминались ясоновские исследования бомбардировок и электронных барьеров. Хотя имена «Ясонов» не назывались, джинн был выпущен из бутылки.

От членов общества никогда не требовали подписки о неразглашении членства (содержание работ, естественно, полагалось хранить в тайне), но сами они предпочитали его не афишировать. Теперь это стало невозможным. Быстро всплыли имена практически всех «Ясонов», и для них наступили неприятные времена. Студенческие протесты, неприязнь коллег, обвинения в военных преступлениях, сравнения с «убийцами детей» в нацистских концлагерях – хватало всего. Некоторые «Ясоны» не выдержали и расстались с обществом (например, Стивен Вайнберг).

От подлодок до «искусственных звезд»

Тем не менее общество сохранилось. Его выживанию во многом способствовал Стивен Лукасик, назначенный директором ARPA в 1971 году. Затем название этого ведомства удлинилось и превратилось в DARPA – Defense Advanced Research Projects Agency, Сначала Лукасик отнесся к группе скептически, но потом решил сохранить ее и обновить. В 1973 году «Ясонов» вывели из-под опеки Института оборонного анализа и перевели под эгиду Стэнфордского исследовательского института, занимавшегося по преимуществу информационными технологиями. Тогда же к «Ясонам» впервые присоединились не физики – биолог, специалист по компьютерам и профессор электротехники.

Во второй половине 1970-х годов у «Ясонов появились новые заказчики – Управление энергетических исследований и разработок, НАСА, Национальный научный фонд и даже ЦРУ. Крупным потребителем информационного продукта «Ясонов» стало командование американских ВМС, заинтересованное в новых методах поиска субмарин. «Ясоны» занимались научными основами эхолокации, но не только ими. В частности, они проанализировали возможность обнаружения нейтрино, испускаемых ядерными реакторами подлодок, и в 1988 году представили доклад, содержащий абсолютно негативные выводы. Тогда же «Ясоны» занялись климатическими проблемами, в частности связями между накоплением в атмосфере парниковых газов и всемирным потеплением.

Но военная тематика, конечно, преобладала. Так, в 1980-е годы «Ясоны» много работали над использованием лазеров для «прощу-пывания» атмосферных турбулентностей – считалось, что это нужно для создания лучевого противоракетного оружия. Из этой затеи вроде бы ничего не вышло, но наработки не пропали. Они послужили основой для так называемой адаптивной оптики «с искусственной звездой» – метода коррекции формы вспомогательного зеркала телескопа, который дает возможность, скомпенсировать атмосферные возмущения и улучшить качество изображения. Благодаря адаптивной оптике в последние годы удалось настолько увеличить разрешающую способность гигантских наземных телескопов, что они могут теперь соперничать с космическими обсерваториями. Однако руководство Пентагона не стало привлекать «Ясонов» к созданию радиолокационно-невидимых летательных аппаратов – скорее всего потому, что надеялось обойтись без их помощи.

В 1981 году «Ясоны» опять поменяли организационную приписку: с тех пор все административные дела ведет корпорация MITRE, работающая по контракту с Пентагоном. Эта компания информационного профиля со штаб-квартирой в вашингтонском пригороде Маклейне принимала участие в создании первых компьютерных сетей, из которых впоследствии вырос Интернет.

Четыре года назад «Ясоны» внезапно лишились покровительства DARPA. Вообще-то отношения с этим ведомством стали охладевать уже давно, поскольку его запросы все больше расходились с интересами членов общества. Что до непосредственной причины разрыва, то она оказалась банальной. В августе 2001 года новый директор DARPA Энтони Тетер пожелал ввести в состав «Ясонов» троих своих протеже, но ученые отклонили их кандидатуры из-за недостаточной квалификации (ни у кого из них не было докторской степени). Тетер пригрозил прекратить спонсирование общества, но его руководители не поступились принципами, и дело закончилось разводом. DARPA в специальном пресс-релизе намекнуло, что группа «Ясонов» погрязла в привычках времен холодной войны и не желает считаться с новыми реалиями. Эти обвинения впечатляли, ибо администрация Буша только-только объявила войну мировому терроризму. В действительности «Ясоны» еще в 1990-е годы ввели в свой состав классных биологов и биотехнологов и занялись поисками защиты от биотерроризма. Однако Тетер хорошо знал правила бюрократической игры.

К тому времени DARPA обеспечивало порядка 40 процентов годового бюджета «Ясонов», составлявшего 3,5 миллиона долларов. Однако и прочие заказчики, в частности ЦРУ и военно-морские силы, финансировали группу не прямо, а по каналам DARPA. Поэтому после расторжения контракта с DARPA в марте 2002 года «Ясоны» оказались на мели. После закулисных переговоров в июне они подписали контракт непосредственно с директоратом исследований и разработок Министерства обороны США, которому подчиняется DARPA. По последним сведениям, бюджет «Ясонов» и сейчас равен тем же трем с половиной миллионам.

В 2006 году обществу минуло 45 лет. Через него прошла сотня ученых, среди которых одиннадцать нобелевских лауреатов и сорок три члена Национальной академии наук США. Сейчас в группе около пятидесяти человек, среди них примерно 30 физиков, остальные – биологи, химики, компьютерщики, инженеры и представители других специальностей. «Ясоны», как и раньше, в основном работают во время летних каникул. Семинары проходят в калифорнийском городе Ла-Хойя, в здании, арендуемом у корпорации General Atomics. Дневная ставка участника – 850 долларов (неплохо даже по американским понятиям, хотя крупные частные корпорации оплачивают консультации звезд науки гораздо щедрее). Более половины проектов «Ясонов» строго засекречено.

ФОТО ИЗ АРХИВА АВТОРА

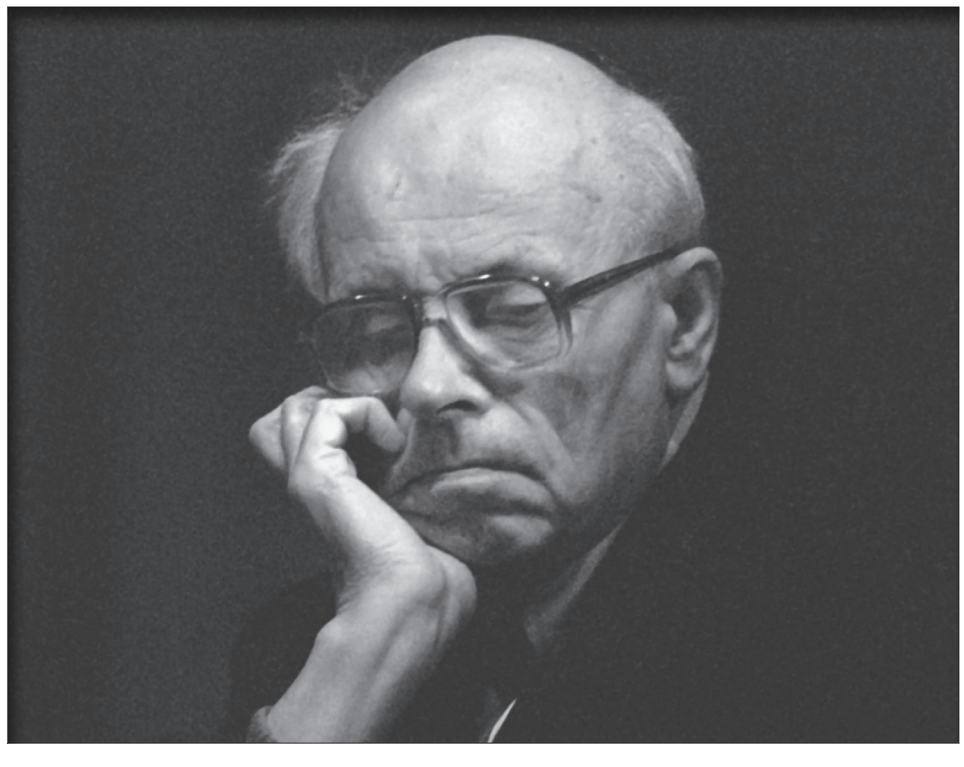
САХАРОВ. Главное испытание

МНОГИЕ ИЗ НАС ВПЕРВЫЕ УВИДЕЛИ ЭТОГО ЧЕЛОВЕКА С УДИВИТЕЛЬНО МЯГКИМИ МАНЕРАМИ И СЛИШКОМ ТИХИМ, СЛИШКОМ «ИНТЕЛЛИГЕНТНЫМ» ГОЛОСОМ, ЯВНО НЕ ПРИВЫКШЕГО ОРАТОРСТВОВАТЬ, КОГДА ОН УПОРНО ПРОРЫВАЛСЯ К ТРИБУНЕ ПЕРВОГО СЪЕЗДА НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ И ТВЕРДО ОТСТАИВАЛ СВОЮ ТОЧКУ ЗРЕНИЯ ПЕРЕД МИХАИЛОМ ГОРБАЧЁВЫМ. НО МАЛО КТО СЕГОДНЯ ПОМНИТ, КАК И ПОЧЕМУ АНДРЕЙ ДМИТРИЕВИЧ САХАРОВ, ГЕНИАЛЬНЫЙ СОЗДАТЕЛЬ САМОГО РАЗРУШИТЕЛЬНОГО ИЗ НЫНЕ ИЗВЕСТНОГО ОРУЖИЯ, ОБЛАСКАННЫЙ СИСТЕМОЙ ОБЛАДАТЕЛЬ ВСЕХ ВОЗМОЖНЫХ СОВЕТСКИХ ЗВАНИЙ И РЕГАЛИЙ ОТКАЗАЛСЯ ОТ ВСЕГО ВО ИМЯ СВОИХ УБЕЖДЕНИЙ. И ВО ИМЯ СВОЕЙ СТРАНЫ. И ПОЧЕМУ ОНА, ЭТА СТРАНА, ОТКАЗАЛАСЬ ОТ СВОЕГО ГЕНИЯ

Владимир ЧЕБОТАРЕВ

«Ужасное преступление совершилось, и я не смог его предотвратить! Чувство бессилия, нестерпимой горечи, стыда и унижения охватило меня. Я упал лицом на стол и заплакал».

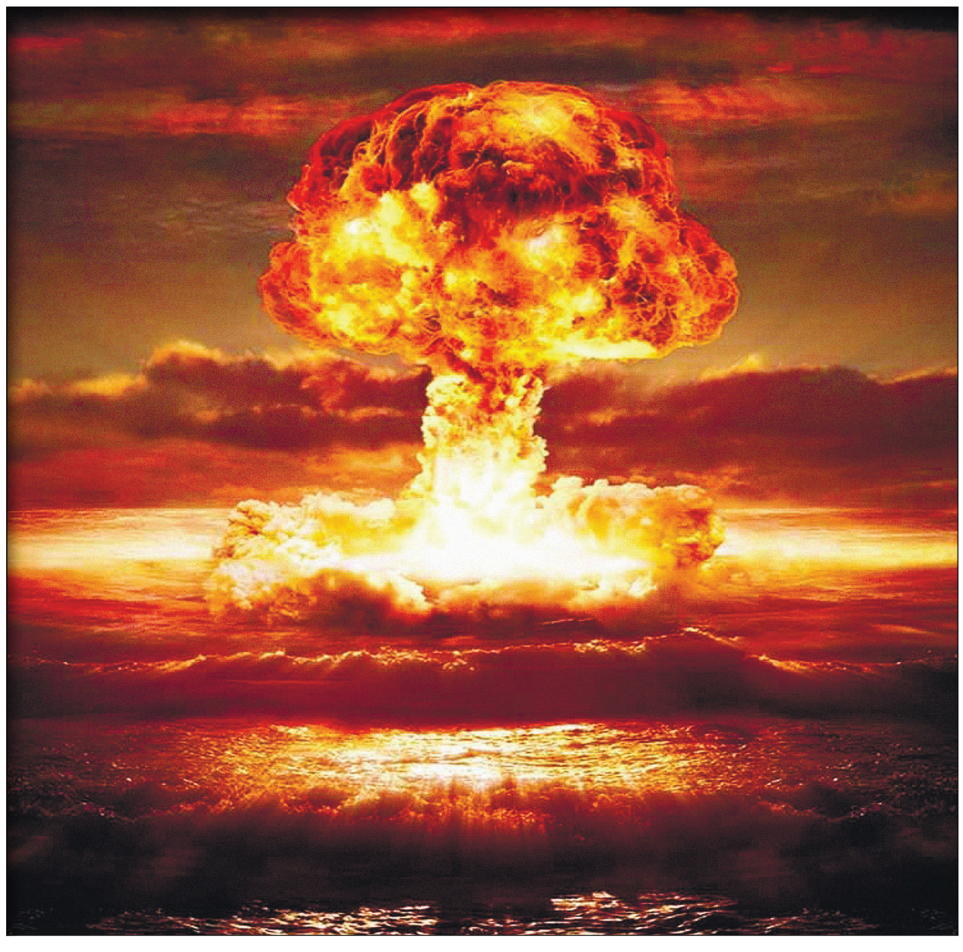
Человек, позднее написавший эти строки, тогда, в 1962 году, был в самом расцвете жизненных сил. Ему исполнился 41 год. А девятью годами раньше при его решающем вкладе СССР получил самое страшное оружие в истории человечества – термоядерную (водородную) бомбу. В научной иерархии военно-промышленного комплекса тоталитарной империи он стоял на одной из высших ступеней. Он получил все звания и регалии, которые только могло дать советское государство: академик, трижды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и Государственной премий. Политические лидеры страны хорошо знали его лично и высоко ценили. И все же он плакал от бессилия, потому что не сумел предотвратить очередное бессмысленное испытание им же созданного оружия, повлекшее новые жертвы.



«РИА НОВОСТИ»

К 1948 году, когда молодой талантливый физик Андрей Сахаров был привлечен к работе над термоядерным проектом, Система, в которой, по авторитетному мнению создавшего ее «отца народов», незаменимых нет, столкнулась с неразрешимой проблемой. Те, кто ее полностью устраивал, в научном отношении, как правило, ничего собой не представляли. Цвет же отечественной физики вызывал подозрения и сомнения. Что-нибудь почти всегда оказывалось «не так»: биография, партийность, национальность.

Гордость российской и мировой науки академики П.Л. Капица, И.Е. Тамм, Л.Д. Ландау, А.Д. Сахаров (будущие нобелевские лауреаты), в разное время привлекавшиеся к атомному проекту, все как на подбор не просто были беспартийными, но и по разным причинам избегали вступления в ВКП(б) – КПСС. Много лет спустя, когда Сахаров уже находился в горьковской ссылке, академик Капица заступался за него в письме председателю КГБ Андропову: «Чтобы выиграть скачки, нужны рысаки. Однако призовых рысаков мало, и они обычно норовисты… На обычной лошади ехать проще и спокойнее, но, конечно, скачек не выиграть».



Допуская в свою святая святых – к самым секретным военным проектам – людей, привыкших к интеллектуальной независимости, Система выставляла предохранители: страх и привилегии. Вероятность того, что найдется человек, сочетающий свободомыслие с равнодушием к материальным благам и бесстрашием, была минимальной. Но он нашелся.

«Я родился в 1921 году в Москве, в интеллигентной и дружной семье, – пишет в своих заметках Андрей Дмитриевич. – Мой отец – преподаватель физики, автор ряда широко известных учебных и научно-популярных книг. С детства я жил в атмосфере порядочности, взаимопомощи и такта, трудолюбия и уважения к высокому овладению избранной профессией».

В самом начале научной карьеры Андрею Дмитриевичу повезло – его наставником стал Игорь Евгеньевич Тамм, выдающийся физик и человек безукоризненных нравственных качеств. Сахарову дважды предлагали перейти на работу в атомный проект. Он категорически отказывался: не хотел уходить от Тамма и из ФИАНа (Физического института Академии наук СССР). Но в 1948 году самому Тамму «сделали предложение, от которого нельзя отказаться». И он сразу же поставил вопрос о Сахарове.

Андрей Дмитриевич вспоминает о разговоре Тамма с Б.Л. Ванниковым, в ту пору одним из руководителей атомного проекта: «Игорь Евгеньевич стал говорить, быстро и взволнованно, что Сахаров – очень талантливый физик-теоретик, который может сделать очень много для науки (от волнения он даже не сказал –советской), для ее самых важных разделов переднего края. Целиком ограничивать его работу прикладными исследованиями – совершенно неправильно, не по-государственному. Ванников слушал вроде внимательно, но чуть-чуть усмехаясь. В этот момент раздался звонок вертушки *(телефона специальной, «кремлевской» телефонной сети. – **Ред.**)*. Ванников снял трубку, лицо и поза его стали напряженными. Ванников:

– Да, они у меня. Что делают?

Разговаривают, сомневаются.

Пауза.

– Да, я вас понял. Слушаюсь, я это им передам.

И, повесив трубку:

– Я говорил с Лаврентием Павловичем *(Л.П.Берия, всесильный глава НКВД, курировал атомный проект в Полит-*

*бюро. – **Ред.**).* Он очень просит вас принять наше предложение.

Больше разговаривать было не о чем».

Бомба

Через пять лет первый вариант термоядерной бомбы был готов. 12 августа 1953 года прошли испытания. В отличие от атомного проекта, где значительное отставание СССР от американцев удалось ликвидировать лишь героическими усилиями разведки, советская водородная бомба имела пальму первенства. Она в десятки раз превосходила по мощности сброшенных на Хиросиму и Нагасаки в августе 1945-го «Толстяка» и «Малыша». Очень скоро стало ясно, что такое сверхоружие для уничтожения военных объектов просто бессмысленно – его можно применить только для тотального уничтожения всего живого.

Большинство разработок термоядерного проекта по-прежнему засекречены. Однако решающую роль в нем Сахарова установить несложно. Сам Андрей Дмитриевич к званию «отца водородной бомбы» относился с иронией, мол, такая характеристика «неточно отражает сложную реальность коллективного авторства». Однако лидеры государства, получавшие полные отчеты об испытаниях, однозначно выделяли именно его. Неслучайно вскоре после 12 августа простой кандидат наук Сахаров в 32 года становится самым молодым академиком, за месяц до испытаний получив степень доктора и минуя звание члена-корреспондента.

«Я не мог не сознавать, какими страшными, нечеловеческими делами мы занимались, – писал Андрей Дмитриевич, уже находясь в Горьком. – Но только что окончилась война – тоже нечеловеческое дело. Я не был солдатом в той войне – но чувствовал себя солдатом этой, научно-технической. Со временем мы узнали или сами додумались до таких понятий, как стратегическое равновесие, взаимное термоядерное устрашение и т.п. Я и сейчас думаю, что в этих глобальных идеях действительно содержится некоторое (быть может, и не вполне удовлетворительное) интеллектуальное оправдание создания термоядерного оружия и нашего персонального участия в этом. Тогда мы ощущали все это скорее на эмоциональном уровне. Чудовищная разрушительная сила, огромные усилия, необходимые для разработки средства, отнимаемые у нищей и голодной, разрушенной войной страны, человеческие жертвы на вредных производствах и в каторжных лагерях принудительного труда – все это эмоционально усиливало чувство трагизма, заставляло думать и работать так, чтобы все жертвы (подразумевавшиеся неизбежными) были не напрасными… Это действительно была психология войны».

В вопросах сохранения секретности, связанной с военными разработками, Сахаров был предельно щепетилен. Как бы далеко ни уходили его взгляды от официоза, он оставался человеком чести, что плохо понимали его преследователи (все-таки каждый склонен судить по себе).

Однажды, еще в пору работы на «объекте» (знаменитый Арзамас-16, современный Саров), Сахарова в московской квартире навестил один из коллег-физиков. В целях безопасности квартира прослушивалась, и собеседники об этом знали. Когда разговор зашел о текущих делах,

Андрей Дмитриевич неожиданно сказал: «Вы имеете допуск к секретным работам, я тоже, но те, кто нас сейчас слушает, его могут и не иметь. Давайте сменим тему».

«Воспоминания» Сахарова, за которыми в горьковской ссылке охотился КГБ, не брезгуя откровенной уголовщиной (Андрей Дмитриевич несколько раз восстанавливал текст после краж рукописи), ученый подверг жесточайшей цензуре во всем, что связано с государственной тайной. В основе этих самоограничений – только чувство долга, как он его понимал.

Притча

Историю, запустившую механизм переоценки его взглядов, Сахаров запомнил навсегда и позже подробно записал. Это случилось 22 ноября 1955 года. Военный руководитель испытаний и заместитель министра обороны СССР маршал М.И. Неделин устроил банкет для узкого круга высокопоставленных ученых и инженеров по случаю удачного завершения работы. Первый тост маршал предложил произнести Сахарову.

– Я предлагаю выпить за то, – сказал Андрей Дмитриевич, – чтобы наши изделия взрывались так же успешно, как сегодня, над полигонами и никогда – над городами.

За столом повисло молчание, как будто академик произнес нечто неприличное. Все замерли. Неделин усмехнулся и, тоже поднявшись с бокалом в руке, сказал:

– Разрешите рассказать одну притчу. Старик перед иконой с лампадкой, в одной рубахе, молится: «Направь и укрепи, направь и укрепи». А старуха лежит на печке и подает оттуда голос: «Ты, старый, молись только об укреплении, направить я и сама сумею!» Давайте выпьем за укрепление.

Даже через три десятилетия Андрей Дмитриевич не смог забыть пережитое в тот ноябрьский вечер. «Я весь сжался, – вспоминал он, – как мне кажется – побледнел (обычно я краснею). Несколько секунд все в комнате молчали, затем заговорили неестественно громко. Я же молча выпил свой коньяк и до конца вечера не открыл рта. Прошло много лет, а до сих пор у меня ощущение, как от удара хлыстом. Это не было чувством обиды или оскорбления. Меня вообще нелегко обидеть, шуткой – тем более. Но маршальская притча не была шуткой. Неделин счел необходимым дать отпор моему неприемлемому пацифистскому уклону… Смысл его рассказа (полунеприличного, полубогохульного, что тоже было неприятно) был ясен мне, ясен и всем присутствующим. Мы – изобретатели, ученые, инженеры, рабочие – сделали страшное оружие, самое страшное в истории человечества. Но использование его целиком будет вне нашего контроля. Решать («направлять», словами притчи) будут они – те, кто на вершине власти, партийной и военной иерархии. Конечно, понимать я понимал это и раньше. Не настолько я был наивен. Но одно дело – понимать, и другое – ощущать всем своим существом как реальность жизни и смерти. Мысли и ощущения, которые формировались тогда и не ослабевают с тех пор, вместе с многим другим, что принесла жизнь, в последующие годы привели к изменению всей моей позиции».

В отношении Андрея Дмитриевича к Неделину не было личной неприязни. Наоборот, он подчеркивает, что маршал производил впечатление человека очень неглупого, энергичного и знающего. Неделин был Героем Советского Союза, в Великую Отечественную командовал артиллерией многих армий и фронтов.

Через пять лет главный маршал артиллерии, главнокомандующий Ракетными войсками стратегического назначения Неделин погиб при испытаниях межконтинентальной баллистической ракеты. Он отказался перенести утвержденный высшим руководством страны срок запуска, когда ему доложили о сбоях автоматики. Вместе с ним погибли двести человек. Включившиеся при аварии автоматические кинокамеры бесстрастно засняли агонию сгоравших заживо людей.

Непороговые эффекты

С юности тонкий и глубокий знаток Пушкина и его эпохи, потомственный русский интеллигент и ученый-естественник, Сахаров имел стойкий иммунитет к любому идеологическому насилию. Знающим ту эпоху поверить в это почти невозможно: в самом начале работы над термоядерным проектом Сахаров категорически отказался вступать в ВКП(б) – КПСС. Генерал госбезопасности Ф.Н.Малышев, по поручению Берии курировавший военные разработки, уговаривал Сахарова вступить в партию и предлагал свою рекомендацию(!). Андрей Дмитриевич дал абсолютно фантастический ответ: «Я сказал, что сделаю все, что в моих силах, для успеха нашей работы, так же, как я пытаюсь это делать и сейчас, оставаясь беспартийным. Я не могу вступить в партию, так как мне кажутся неправильными некоторые ее действия в прошлом и я не знаю, не возникнут ли у меня новые сомнения в будущем». Малышев спросил, что мне кажется неправильным. Я ответил:

– Аресты невиновных, раскулачивание.

Малышев сказал:

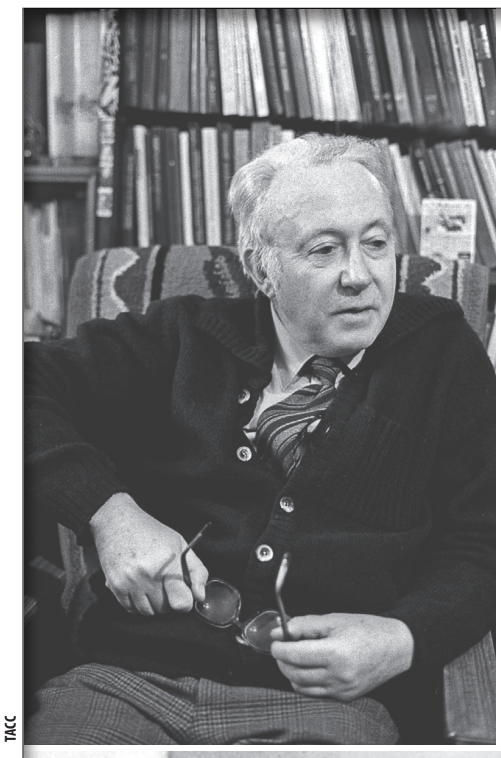
– Партия сурово осудила ежовщину, все ошибки исправлены. Что касается кулаков, то что мы могли сделать, когда они сами пошли на нас с обрезом?

Он просил меня самым серьезным образом подумать о нашем разговоре, быть может, я захочу еще к нему вернуться. Я думаю, что если бы я дал согласие, то мне, вероятно, предназначалась крупная административная роль в системе атомной науки… Пользы от этого для дела было бы мало – какой из меня администратор!».

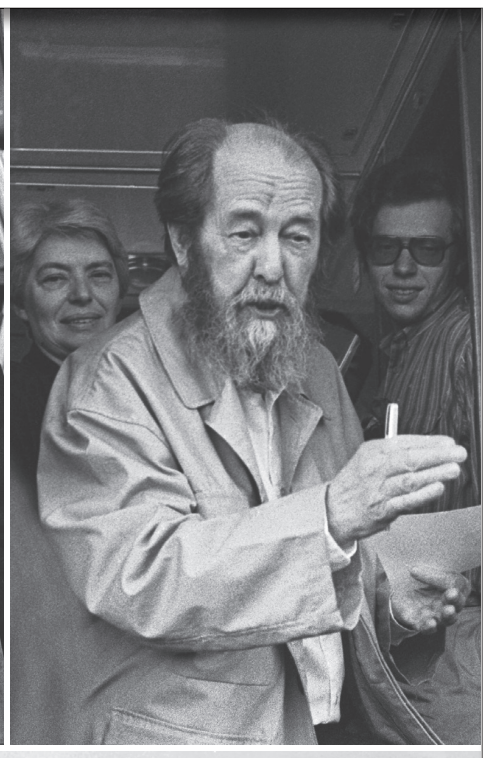
Очевидно, что в этот момент судьба Сахарова висела на волоске. Альтернативой высокому посту вполне мог стать лагерь. Генерал, однако, не совершил ни глупости, ни подлости, хотя классовое чутье вряд ли могло ему изменить. Очевидно и другое: молодой ученый многое понимал, имел странную привычку говорить, что думает, и был попросту внутренне свободен.

Самой трудной и мучительной проблемой для Сахарова оказалось осозна- ▶

Слева: историк Рой Медведев помогал академику в распространении его статьи. Писатель Александр Солженицын (справа) считал взгляды Сахарова недостаточно радикальными. Внизу: суд над диссидентами Юлием Даниэлем и Андреем Синявским



ТАСС



ИТАР-ТАСС

BETTYNN/CORBIS/PGF

Академика Сахарова волновало неравное противостояние свободного слова и карательной мощи режима. В его работах заметен глубокий интерес к зарождающемуся в СССР движению диссидентов

ние опасности самих испытаний нового оружия, их губительного воздействия на природу и человека. Конечно, многие физики и биологи в общих чертах представляли себе эту проблему. Не было главного: точного знания. Какие дозы облучения представляют опасность для человека? Какая радиация является смертельной?

«Начиная с 1957 года, – вспоминал Сахаров, – я ощутил себя ответственным за проблему радиоактивного заражения при ядерных испытаниях. Как известно, поглощение радиоактивных продуктов ядерных взрывов миллиардами населяющих Землю людей приводит к увеличению частоты ряда заболеваний и врожденных уродств (за счет так называемых непороговых биологических эффектов, например за счет поражения молекул ДНК – носителей наследственности). При попадании радиоактивных продуктов в атмосферу каждая мегатонна мощности ядерного взрыва влечет за собой тысячи безвестных жертв. А ведь каждая серия испытаний ядерного оружия (все равно – США, СССР, Великобритании или Китая и Франции) – это десятки мегатонн, т.е. десятки тысяч жертв».

Термин «непороговые эффекты» означает, что к необратимым генетическим изменениям могут приводить и сравнительно небольшие дозы радиации, находящиеся за порогом признанной опасности. По сути, заложником испытаний становится все человечество.

Осознав этот далеко не тривиальный в то время факт, Сахаров начинает борьбу. Ему удалось заручиться поддержкой Курчатова, имевшего огромный авторитет и влияние, но Игорь Васильевич в ту пору уже смертельно болен (он умер в 1960 году). И Сахаров фактически в одиночку продолжает убеждать высшее руководство страны отказаться хотя бы от дублирующих, не являющихся технически необходимыми испытаний. Разгневанный Хрущёв кричит: «Я был бы слюнтяем, а не председателем Совета министров, если бы слушался таких, как Сахаров».

И все же Сахарову удается склонить Хрущёва подписать с Кеннеди московский Договор о запрете испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой. Остаются только подземные взрывы. Потенциальная угроза сохраняется, но радиоактивной опасности они не несут.

«РИА НОВОСТИ»

1989 год. Андрей Дмитриевич Сахаров на Первом съезде народных депутатов СССР

Академия

Андрей Дмитриевич Сахаров, в свое время самый молодой действительный член Академии наук СССР за всю ее историю, состоял в ней 36 лет – пожизненно, как это и полагается по уставу. Наследница санкт-петербургской Императорской академии наук, в советскую эпоху она стала удивительным гибридом элитного научного клуба и полностью подконтрольной системе бюрократической организации. Полный контроль, впрочем, изредка давал сбои. И возмутителем спокойствия снова выступил мягкий интеллигентный Сахаров.

Речь шла о новом всплеске кампании против генетики. Знамя борьбы с ней твердо держал в руках Трофим Лысенко, избранный в Академию наук СССР в 1939 году. Тогда ему удалось добиться доверия Сталина, а позднее и его разоблачителя Хрущёва. Отвергая законы генетики о наследственности, лысенковцы провозгласили собственную теорию: возможность наследования приобретенных признаков и перерождения видов. В сельском хозяйстве это обещало невиданные урожаи новых волшебных сортов. В идеологии системы – выведение новой породы, «советского человека».

Благодаря усилиям Лысенко к середине XX века, когда во всем мире стремительно развивалась молекулярная биология, в СССР эта область науки скатывалась к средневековью.

Интерес физиков к генетике не был случайным: законы наследственности пересекались с воздействием на живые организмы радиации. Несколько известных академиков-физиков, узнав о том, что Лысенко хочет провести в члены академии своего очередного ставленника Н.И. Нуждина, решили на общем собрании Академии наук выступить против.

Андрей Дмитриевич, постоянно работавший в те времена «на объекте», не знал о «заговоре» физиков. Но именно для него, после осознания роли «непороговых эффектов», проблемы генетики стали особенно важными. Немалую роль сыграло и то, что коллега Сахарова Виктор Борисович Адамский, бывший с ним в доверительных отношениях, накануне дал Андрею Дмитриевичу рукопись биолога Жореса Медведева «История биологической дискуссии в СССР». Это было первое публицистическое произведение, попавшее в «самиздат» (до этого дело ограничивалось художественной литературой). И первым, по признанию самого Сахарова, произведением «самиздата», которое он прочел. В.Б. Адамский вспоминает: «Нельзя сказать, что все содержание рукописи было для него новостью, но все-таки ее эмоциональное воздействие на Андрея Дмитриевича было очень сильным. Я не помню, чтобы он так резко о ком-нибудь высказывался. Запомнилось мне выражение: «Вегетарианство по отношению к Лысенко недопустимо». Вскоре представился случай это доказать.

Выступившие против Нуждина физики говорили правильно, но слишком академично, «по-вегетариански». И только выступление Сахарова взорвало аудиторию. Чудом сохранилась стенограмма того заседания: «Что касается меня, – сказал Андрей Дмитриевич, – то я призываю всех присутствующих академиков проголосовать так, чтобы единственными бюллетенями, которые будут поданы «за», были бюллетенями тех лиц, которые вместе с Нуждиным, вместе с Лысенко несут ответственность за те позорные, тяжелые страницы в развитии советской науки, которые в настоящее время, к счастью, кончаются (Аплодисменты)».

Из 137 присутствовавших академиков 114 проголосовали против. При многих свидетелях Лысенко сказал: «Сажать и судить надо таких, как Сахаров». (Любопытен не только ход мысли, но и последовательность: сначала сажать, потом судить.)

Хрущёв пришел в бешенство и грозил разогнать академию, которая полезла не в свое дело. Но лысенковцы не дождались реванша: через два месяца самого первого секретаря сняли со всех постов и отправили на пенсию.

О выступлении Сахарова против Лысенко во всем научном сообществе складывались легенды. Таинственная закономерность судьбы с неизбежностью делала действия Сахарова открытыми, а его самого – публичной фигурой.

ТАСС

Среди членов московской делегации в перерыве между заседаниями съезда

Весна, не ставшая летом

«К началу 1968 года, – вспоминал Сахаров, – я был внутренне близок к необходимости для себя выступить с открытым обсуждением основных проблем современности». Свою статью он назвал «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе». Это название соответствовало тону приглашения к дискуссии со стороны человека, не являющегося специалистом в общественных вопросах, который представлялся ему тогда наиболее правильным.

Казалось, сама атмосфера того времени требовала появления этого текста. Мир ждал перемен. Это был год Пражской весны, за событиями которой Андрей Дмитриевич внимательно следил. Многим, и ему в том числе, казалось: демократические изменения в Чехословакии – отмена цензуры, свобода слова, начало экономических и политических реформ, ликвидация всесилия органов безопасности, раскрытие преступлений сталинского режима – могут проложить дорогу демонтажу системы в СССР и других странах социалистического лагеря, создать «социализм с человеческим лицом».

Ответом системы на эти надежды (и на «Размышления…» Сахарова) стали танки, введенные в Прагу в августе 1968 года. Пражская весна так и не стала летом.

Но кроме Пражской весны была и «парижская весна», когда события, начавшиеся со студенческих волнений, привели к значительным переменам во Франции. В этом же году Америку потрясают убийства Роберта Кеннеди и Мартина Лютера Кинга (Андрей Дмитриевич позже возьмет эпиграфом к сборнику своих статей его слова «Несправедливость в одном месте земного шара – угроза справедливости во всем мире»). Американская администрация под давлением общества мучительно ищет выход из вьетнамского тупика. Впервые тревоги и надежды во многом оказывались общими для всего мира.

Западные интеллектуалы требовали от своих правительств большей гибкости. (Сахаров благодарно признавал, что находил поддержку своим мыслям в публикациях разных лет нобелевских

лауреатов А. Эйнштейна, Н. Бора, Б. Рассела, других ученых и общественных деятелей.) И только восточный сфинкс – СССР – демонстрировал твердокаменное единомыслие. Идея Сахарова, что человечество подошло к критическому моменту своей истории, когда самому его существованию угрожают невиданные ранее опасности, была долгожданным глотком надежды и свободы. Известный американский журналист и историк Гаррисон Солсбери, комментируя тогда его статью, назвал ее «вершиной движения за либерализацию в коммунистическом мире».

На Западе о «Размышлениях…» писали как о меморандуме, эссе или даже манифесте. Но не в терминах суть. Работа Сахарова была откровением (между прочим, это буквальный перевод с греческого слова «апокалипсис»), потому что ее написал нужный человек в нужное время в нужном месте. Если бы автором «Размышлений…» был какой-нибудь никому не известный гуманитарий, вряд ли их прочел бы кто-то кроме начальника районного отдела КГБ. Главным в сахаровском тексте были личность автора, подлинность и выстраданность свидетельства, авторитет большого ученого.

«Размышления…» – самая известная статья Сахарова. За несколько лет она выдержала более 50 изданий тиражом почти 20 миллионов экземпляров. Мировая известность, однако, не означала известности на родине, где она распространялась только в «самиздате» и при жизни Андрея Дмитриевича так и не была опубликована.

Несколько десятков страниц текста состоят из двух основных разделов: «Опасности» и «Основа надежды». Главные опасности и проблемы, выделенные ученым: термоядерная война, голод, экология (автор пишет «геогигиена» – термин «экология» еще не был общепринятым); расизм, национализм, милитаризм и диктаторские режимы; ограничения интеллектуальной свободы.

Основой надежды является глубокое реформирование обеих систем – социалистической и капиталистической – и их постепенное сближение, конвергенция (термин, очень важный для Сахарова). За рассуждения о необходимости конвергенции Сахарова не раз обвиняли в наивности. Однако как ученый-естественник он хорошо понимал, что конвергенция может быть и «с обратным знаком», т.е., сближаясь, две системы возьмут друг у друга худшее, а гибрид станет монстром.

Но Андрей Дмитриевич просто указывал оптимальное, с его точки зрения, решение. Пока человечество существует, эта тема будет открытой.

«…начиная со страницы шесть»

Закончив первый вариант своей статьи, Андрей Дмитриевич отдал ее перепечатать машинистке на закрытом объекте. Не стоит удивляться, что первыми ее читателями стали сотрудники КГБ. Сахаров писал свою работу открыто и был бы рад ее публикации в СССР. Но, как и предыдущие его попытки предать гласности свои взгляды, эта была обречена на неудачу (интервью Сахарова для «Литературной газеты» запретил лично главный идеолог КПСС М.А. Суслов, у которого академик пытался добиться поддержки).

22 мая 1968 года датирована следующая докладная записка: «КГБ при Совете министров СССР, №И69-А. Сов. Секретно. Особой важности. ЦК КПСС.

…16 мая с.г., находясь в институте, Сахаров предложил одной из машинисток отпечатать 5 экземпляров имевшихся у него материалов.

По получении данных о политическом характере размножаемого документа принятыми мерами удалось добыть одну из его копий, начиная со страницы 6.

В документе освещаются вопросы политического, экономического и социального развития общества в основном с антимарксистских позиций.

Рассматривая современное общественное развитие и говоря об опасности «чудовищно жестоких полицейских, диктаторских режимов Сталина, Гитлера и Мао Цзэдуна», автор отмечает, что «фашизм в Германии просуществовал 12 лет. Сталинизм в СССР — вдвое больше. При очень многих общих чертах есть и определенные различия. Это гораздо более изощренный наряд лицемерия и демагогии, опора не на откровенно людоедскую программу, как у Гитлера, а на прогрессивную, научную и популярную среди трудящихся социалистическую идеологию, которая явилась очень удобной ширмой для обмана рабочего класса, для усыпления бдительности интеллигенции и соперников в борьбе за власть…».

«РИА НОВОСТИ»

Андрей Дмитриевич с сыном Димой

«РИА НОВОСТИ»

Родители академика – Дмитрий Иванович и Екатерина Алексеевна

Приложение: по тексту на 36 листах (стр. 6– 41).

Председатель Комитета госбезопасности Андропов».

Андропова больше всего волновала возможность неконтролируемого распространения статьи Сахарова в «самиздате», что почти неизбежно должно было привести к ее публикации на Западе. Он пытается оказать давление на Андрея Дмитриевича через научного руководителя объекта академика Ю.Б. Харитона.

В первых числах июня, когда Сахаров вместе с Харитоном ехали в Арзамас-16 в персональном вагоне научного руководителя объекта, Харитон начал явно трудный для него разговор. Он сказал:

– Меня вызвал к себе Андропов. Он заявил, что его люди обнаруживают на столах и в вещах у некоторых лиц (т.е. при негласных обысках) рукопись Сахарова, нелегально распространяемую. Содержание ее таково, что в случае ее попадания за границу будет нанесен большой ущерб. Андропов просил меня поговорить с вами. Вы должны изъять рукопись из распространения.

Я сказал: «Я дам вам почитать эту статью, она со мной». Утром мы вновь встретились.

– Ну, как?

– Ужасно.

– Форма ужасная?

Харитон усмехнулся:

– О форме я и не говорю. Ужасно содержание.

Я сказал: – Содержание соответствует моим убеждениям, и я полностью принимаю на себя ответственность за распространение этой работы. Только на себя. «Изъять» ее уже невозможно.

В «Размышлениях…» Сахарова заметен и его глубокий интерес к зарождающемуся движению диссидентов, неформальным лидером которого он станет через несколько лет. Пока это только упоминание фамилий людей, репрессированных системой за открытое выражение своих взглядов. Даниэль, Синявский, Григоренко, Галансков, Гинзбург, Буковский… Ни с кем из них Сахаров не знаком, порой мало знает об их деятельности, но его волнует неравное противостояние свободного слова и карательной мощи режима. Только к двум людям (точнее, к их произведениям) в статье выражено личное отношение Андрея Дмитриевича. Он пишет: «Десятки глубоких, блестящих произведений не могут увидеть света, в том числе лучшие произведения А. Солженицына, исполненные очень большой художественной и нравственной силы, содержащие глубокие художественно-философские обобщения. Разве все это – не позор?» С Александром Исаевичем Сахаров вскоре познакомится, с «Размышлениями…» тот согласится разве что в части критики системы, да и ее сочтет недостаточно радикальной. Подробный критический разбор статьи Сахарова Солженицын напишет сразу, выскажет его при встрече, но ответ свой опубликует только через пять лет. Мысли о конвергенции, демократизации, увеличении роли ученых Солженицыну были глубоко чужды, что не помешало ему и Сахарову относиться друг к другу с глубоким уважением.

«Глубокий анализ генезиса и проявлений сталинизма, – пишет Сахаров, – содержит фундаментальная (тысяча страниц) монография Р. Медведева. Это написанное с социалистических, марксистских позиций выдающееся произведение, к сожалению, до сих пор не увидело света *(Р. Медведев «Перед судом истории». – **Прим. Сахарова**)*».

Жизнь сводит Андрея Дмитриевича с историком Роем Медведевым, который активно помогал академику в распространении его статьи. Два года спустя Сахаров вместе с Медведевым обратятся с совместным письмом к советскому руководству о необходимости демократизации. Андрей Дмитриевич примет активное участие в вызволении из психбольницы помещенного туда без суда брата-близнеца Роя биолога Жореса Медведева.

Позже взгляды этих людей начнут значительно расходиться. Но именно за полемику, разномыслие, открытое обсуждение несогласий и выступал всегда Андрей Дмитриевич.

Подхваченные «самиздатом» «Размышления…» жили уже собственной, независимой от автора, жизнью. Диссидент Андрей Амальрик передал статью корреспондентам нидерландской газеты Het Parool Карелу ван хет Реве и американской The New York Times Раймонду Андерсону. Последний признавал, что главной проблемой было опасение, что это фальшивка. Поверить, что абсолютно свободные по духу «Размышления…» вышли из самого сердца советского военно-промышленного комплекса, было почти невозможно. О том, чтобы встретиться с автором, засекреченным и охраняемым ученым, не могло быть и речи. Пытаясь навести справки, журналисты узнали, что подпись Сахарова стояла под коллективным письмом XXIII съезду КПСС с протестом против ползучей реабилитации Сталина. Решили рискнуть, хотя уверенности в подлинности текста не было.

В начале июля «Размышления…» вышли в Нидерландах, но главной стала публикация на английском языке в The New York Times 22 июля.

Внимательно прочли текст Сахарова, выкраденный КГБ, и в Политбюро. Автографы всех руководителей государства отчетливо видны: ознакомлен, число, подпись. Ответом Сахарову было отстранение его от секретных работ и отлучение от номенклатурных благ, что, конечно, не стало для него неожиданностью.

Неспособность системы к диалогу и стала главной причиной ее распада. Когда через двадцать лет Горбачёв попытался ее демократизировать, выяснилось, что она просто разучилась говорить с собственным народом. Сахаров пытался дать ей шанс. Она им не воспользовалась.

P. S.

Пытаясь сегодня осмыслить судьбу Андрея Дмитриевича Сахарова, думая о его «трудах и днях», невольно задаешься вопросом: а возможно ли что-то, хотя бы отдаленно похожее, в наше время? Какое место в сегодняшней системе должен занимать человек, чтобы его уход из нее был хоть в чем-то сопоставим с оппозицией Сахарова? Кем мог бы быть «сегодняшний Сахаров»? Ученым? Но наука лишилась не только сакральной роли, но и значительной части былого авторитета. Функционером Системы? Увольте, от одной мысли смешно. Олигархом? Но Сахаров был абсолютно бескорыстен. Кем должен быть человек, который мог бы в ситуации, не имеющей рационального решения, повторить вслед за Сахаровым: «Жизнь по своим причинным связям так сложна, что прагматические критерии часто бесполезны, и остаются – моральные».

«Размышления…» – самая известная статья Сахарова. За несколько лет она выдержала более 50 изданий тиражом почти 20 миллионов экземпляров. Мировая известность, однако, не означала известности на родине, где она распространялась только в «самиздате» и при жизни Андрея Дмитриевича так и не была опубликована.

Чем левши хуже?

Левшой был своенравный Наполеон

Елена СВЕТЛОВА

Александр Македонский, Юлий Цезарь, Наполеон, Чарли Чаплин, Льюис Кэрролл, Микеланджело, Альберт Эйнштейн – что объединяет этих людей, помимо гениальности? Все они левши. Процент одаренности среди леворуких людей необычайно высок. Трудно назвать область искусства, политики или спорта, где левши не застолбили бы первые места. В музыке это Моцарт и Бетховен, в живописи – Леонардо да Винчи, Рафаэль, Рубенс.

Неподражаемый Роберт де Ниро, обворожительная Джулия Робертс, «крепкий орешек» Брюс Уиллис, очаровашка Том Круз, непобедимый Сильвестр Сталлоне – тоже из категории левшей.

Все последние президенты США – и Рейган, и Буш, и Клинтон – сплошь леворукие. Даже Альберт Гор, один из лидеров президентской гонки, пишет левой рукой. Знаменитые теннисистки Моника Селеш и Мартина Навратилова отлично бьют левой. Компьютерный гений Билл Гейтс, которого не смогли разорить миллионные потери, тоже левша.

Казалось бы, леворуким есть чем гордиться. Один Левша, созданный писателем-левшой Николаем Лесковым, чего стоит! Но большинство, увы, относятся к ним все-таки негативно. Это обстоятельство не могло не отразиться в языковой культуре. У разных народов слово «левый» ассоциируется с чем-то неприятным. В переводе с французского это неуклюжий, с английского – лицемерный, зловещий, с итальянского – лживый, с испанского – хитрый, с армянского – невезучий, производное от немецкого «левый» – неловкий. Разве что в еврейском значении негатива нет. Зато русское слово «левый» не сулит ничего хорошего. В политике это всегда экстремизм, а в жизни – «левый» товар, сделанный «левой» рукой, то есть откровенная халтура.

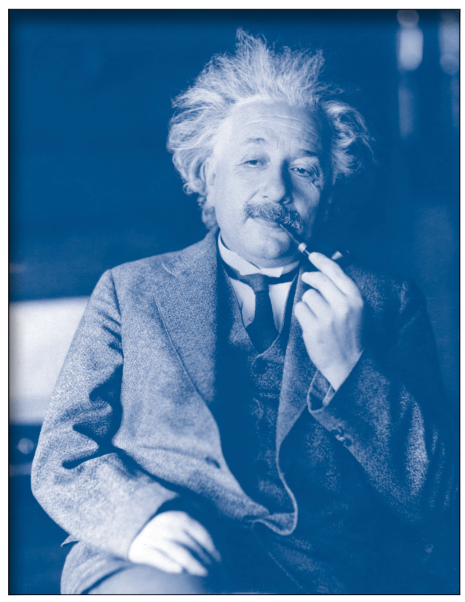
Понятия «правда» или «правота» из того же разряда. Правый всегда прав. А левизна, хоть порой и детская, все же болезнь, как отмечал вождь мирового пролетариата в одной из своих работ.

Впрочем, жить в мире, скроенном на правую сторону, леворуким людям нелегко. Любую дверь удобно открывать правой рукой, турникеты в метро тоже устроены под правую руку, ножи, пистолеты, штопоры, открывалки, ножницы, механические мясорубки, часы – все для правшей. В том числе компьютерная клавиатура и «мышь». Чтобы осознать, как досаждают левшам все эти «мелочи», достаточно сесть за руль автомобиля с правым рулем и попытаться одной левой включить нужную передачу. В нашей стране для леворуких выпускаются лишь часы и клюшки. Все остальное – из разряда дефицита.

Левши составляют 10–20 процентов населения нашей планеты. В России, соответственно, их порядка 15–18 миллионов человек. Причем отечественная армия леворуких увеличивается год от года – с тех пор как народное образование оставило наконец непохожих учеников в покое. Ведь вплоть до 1985 года левшей упрямо переучивали, заставляя писать и рисовать правой рукой.

Советское общество, всегда отличавшееся нетерпимостью к каким бы то ни было проявлениям индивидуальности, выжигало левшество каленым железом. В союзники, естественно, привлекались родители. Одна учительница даже советовала маме дочки-левши привязывать «не ту» руку к телу, но маленькая упрямица быстро-быстро выводила палочки левой, пока никто не видел. Леворуких детей наказывали, даже били по левой руке. Многие первоклассники той поры сами старались изо всех сил, дабы не отличаться от других.

Некоторых ломали мягко, еще в дошкольном возрасте. Шаг за шагом, упорно и терпеливо родители учили ребенка держать ложку, кисточку или карандаш в правой руке. В таких случаях процесс обычно не причинял сильных душевных травм. Бывшие левши с юмором вспоминают какие-то эпизоды из семейной хроники. Одной девочке купили специальную ложку, изогнутую под прямым углом. Такой ложкой можно было есть лишь правой рукой.



Леворуким и поистине гениальным был Альберт Эйнштейн

В школе тихий бунт левшей почти всегда подавлялся, только потом родители записывали своего ребенка к врачу психоневрологу. На педагогическое насилие дети отвечали неврозами, дефектами речи, комплексами. У многих бывших левшей осталась неуверенность в себе.

Переученные левши все равно сохранили умения, приобретенные в дошкольном периоде. Они охотно признаются, что пишут, конечно, правой рукой, но рисовать, есть, шить или драться им комфортнее левой.

– Одно из первых психиатрических исследований о леворуких детях было написано доктором Капустиным в 1924 году, – рассказывает Марьяна Безруких, директор Института возрастной физиологии Российской академии образования. – Наблюдая маленьких пациентов в неврологической клинике, доктор сделал вывод об их умственной неполноценности. Это мнение бытовало долгие годы, но и сейчас общество от него не избавилось. Родители приходят на консультацию и говорят примерно следующее: «Головой понимаем, что в леворукости нет ничего особенного, но видеть это не можем, нас раздражает, когда ребенок ест левой рукой».

Много левшей и среди культовых личностей культуры. Среди них сэр Пол Маккартни и...

Детские психоневрологи часто сталкиваются с тяжелыми заболеваниями нервной системы у школьников младших классов. Есть такой вариант невроза, как писчий спазм. У больного во время письма начинаются судороги, иногда даже одна мысль о необходимости что-либо написать провоцирует спазм. Всегда считалось, что это тяжелое заболевание возникает в зрелом возрасте, по крайней мере, не раньше, чем в двенадцать лет, поскольку должен быть соответствующий уровень развития нервной системы, чтобы так ее сорвать. Сейчас больные помолодели. К врачам-специалистам приводят даже восьмилетних детей.

Случается, детским неврозам невольно способствуют завышенные родительские притязания. Эти дошкольные гимназии, эти иностранные языки, эти балеты, гаммы и так далее – желание научить ребенка всему сразу чревато стрессами и истериками. Особенно если это касается детей, которые стали леворукими в результате патологии материнской беременности. Они быстро утомляются, легко отвлекаются, с трудом концентрируют внимание. Их щадить надо, а не перенапрягать.

Интересное исследование, связанное с ведущей ногой в отдельных видах спорта, провели белорусские ученые. Оказалось, навязывание движения другой ногой так же пагубно для психики, как и переучивание руки. Только на ноги, к счастью, обращают мало внимания. Как, впрочем, и на ведущий глаз. Возможно, это имеет значение для стрелка или для биолога, работающего с микроскопом.

Даже если родители относятся к леворукости своего ребенка достаточно лояльно, то на переучивании настаивают бабушки и дедушки. Из лучших побуждений они не дают житья маленьким левшам. Аргументы, как правило, разнообразием не отличаются. Люди старшего поколения обычно консервативны, им не хочется, чтобы внуки выбивались из колеи. Но еще больше их беспокоит другое обстоятельство: леворукие рано или поздно столкнутся с ограничениями в выборе профессии.

На самом деле, считает Марьяна Безруких, никаких ограничений, по сути, нет. Разве что левша захочет стать станочником. В нашей стране, в отличие от США, станков для леворуких нет. Немало хирургов отлично оперируют левой рукой. Дело в том, что у скальпеля нет среза, как у ножниц, поэтому доктор никаких затруднений не испытывает.

Конечно, леворуким водителям или пилотам порой приходится несладко, особенно в так называемых нештатных ситуациях, но это связано не с психическими особенностями, а с эргономическими трудностями. Есть леворукие люди с такой тонкой координацией движений, что им уступают самые искусные правши. Даже среди каллиграфов встречаются мастера, творящие одной левой.

Несмотря на то что Министерство образования давно не требует стричь всех детей под одну гребенку, все еще встречаются учителя, которые бывают достаточно жестокими. На прием к Марьяне Безруких пришла одна мама. В школе ей поставили условие переучить ребенка до сентября. «Я леворуких не учу!» – прямо заявила учительница. Можно себе представить, что ждет первоклассника, случайно попавшего под крыло такой училки.

На самом деле в обучении леворуких особых проблем нет. Траектория движений при письме правой и левой рукой практически одинакова. Надо правильно сидеть, выбирать другой наклон тетради, чуть-чуть иначе держать ручку, чтобы не заслонять линию письма. И все получится. Марьяна Безруких знает это лучше других, поскольку она разработала специальные прописи для леворуких.

В школе сначала учат писать отдельные элементы, которые затем соединяются в буквы. Для леворуких детей важно целостное восприятие буквы, в которой выделены «палочки». Прописи для леворуких, изданные ничтожным для такого товара тиражом 50 тысяч экземпляров, днем с огнем не найдешь. На столе у директора Института возрастной физиологии лежат заявки из разных мест. Только Краснодарский край заказывает две тысячи прописей.

Доподлинно известно следующее: среди детей праворуких родителей левши составляют примерно 2 процента, если один родитель праворук – 17 процентов, у двух левшей – 46 процентов. В мире насчитывается примерно 9–11 процентов леворуких детей, но в нашей стране – почти 25 процентов. Объясняется этот факт одним прискорбным обстоятельством: редкая российская мама рожает

без проблем. Патология в родах достигает 70 процентов.

Некоторые ученые считают, что соотношение левшей и правшей во все времена оставалось примерно одинаковым.

Интересно, что наскальные рисунки запечатлели людей, делающих что-либо именно правой рукой. На стенах пещер и египетских пирамид таких изображений предостаточно. Более того, сохранившиеся еще с эпохи палеолита орудия труда и изделия древних оружейников явно предназначались под правую руку.

Но есть работы, доказывающие, что в каменном веке было одинаковое количество праворуких и леворуких, а в бронзовом веке правшей стало уже две трети. Любопытно, что в животном мире в этом смысле царит равноправие. Хотя ряд исследований убедительно доказывает, что обезьяны предпочитают тянуться за кормом левой рукой, а выполнять различные манипуляции – правой. То есть старые функции управляются правым полушарием, а новые – левым. Кстати, если понаблюдать за новорожденными детьми, то можно заметить, что хватают они чаще левой рукой. Даже стопроцентные правши некоторые функции, в частности статические, выполняют левой рукой. Что-либо удерживать легче одной левой.

Вообще относительно происхождения левшества существует множество теорий. От полуфантастических до вполне научных. Праворукость объяснялась правосторонним расположением печени, смещающим центр тяжести тела, а леворукость – сердца, заставляющего воина держать в левой руке щит, а в правой – меч. Считается, что на севере больше леворуких, чем на юге. Есть гипотезы о том, что число таких людей колеблется в зависимости от исторического периода. Некоторые специалисты склонны видеть в левшестве следствие родовой травмы и даже патологию.

Одна из последних теорий связана с существованием гена правого сдвига, то есть праворукости. Этот ген определенным образом передается по наследству, в то время как ген левого сдвига выпадает как случайный вариант. Даже положение плода во время беременности может сыграть свою роль.

Известно, что левши делятся примерно поровну: 50 процентов – естественные, или генетические, леворукие, 50 процентов – компенсаторные. Первые – индивидуальный вариант нормы, вторые часто страдают нарушениями в развитии нервной системы.

Есть и другие варианты. Доктор биологических наук Марьяна Безруких сталкивалась в своей практике с удивительными случаями социального левшества. Например, младший ребенок в семье, где практически все – и дед, и отец, и старший брат – леворукие, тоже предпочитал действовать левой рукой, стремясь во что бы то ни стало походить на своих родных. Левшество этого мальчика оказалось навязанным.

Однажды пришла семья проконсультироваться по поводу сына, у которого в школе были проблемы. На первый взгляд казалось, что мальчик унаследовал леворукость от отца, но во время тестирования ребенок инстинктивно протягивал правую руку. Лишь позже в доверительной беседе мама рассказала, что мальчик – приемный ребенок. «Хочу быть как родной», – сказал он отцу.

Каждый пятый выдающийся человек – левша. Если предложить левше и правше одну и ту же задачу, то первый почти всегда найдет несколько способов решения.

– Между полушариями мозга существует определенная специализация, – рассказывает врач-психиатр Георгий Введенский. – Свыше 90 процентов функций контролируется перекрестно, как бы наоборот. Поэтому левши должны отличаться некоторыми особенностями. Написать «Алису в Зазеркалье» и придумать улыбку чеширского кота, которая остается, когда его и след простыл, мог только левша Льюис Кэрролл. Такое не каждому придет в голову.

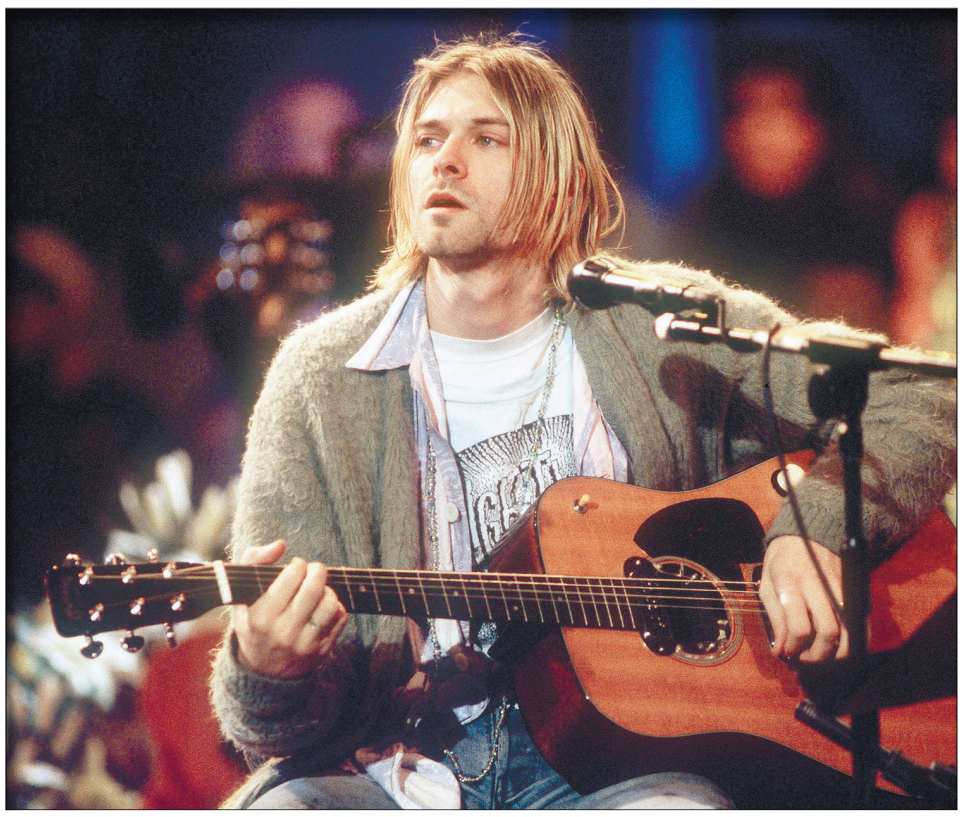
У левшей связи между полушариями мозга не столь жесткие, как у «правого» большинства. Поэтому информация в коре головного мозга может обрабатываться медленнее, но это не болезнь, а особенность. У сильного правши другие сложности: жесткие связи между полушариями как бы оставляют мало шансов на свободу творчества, разнообразие.

Среди левшей много тугодумов, хотя результаты этих длительных размышлений часто бывают оригинальными, если не сказать больше. В литературе частенько упоминается некоторая туповатость, которой вроде бы отличался Эйнштейн в школьные годы. Будущего отца теории относительности считали «умеренно способным», так как он очень медленно усваивал и переваривал новую информацию. Он не блистал даже в арифметике.

Повышенное количество леворуких отмечается среди близнецов. В то же время немало, увы, слабоумных левшей, алкоголиков, опрокидывающих стопку исключительно левой. «Левые» чаще подвержены несчастным случаям. У них бывают нарушения пространственного восприятия. Говорят, что время они чувствуют иначе. В то же время долго считалось, будто леворукие страдают нарушениями зрительного восприятия, так как это связано с работой правого полушария. Однако научные работы Института возрастной физиологии убеждают: это не так. А вот стратегия деятельности у леворуких другая.

– Среди больных, страдающих различными нарушениями сексуального влечения, отмечается довольно высокий процент скрытого левшества, – рассказывает Георгий Введенский. – Это отмечал еще Ломброзо в своей теории. У серийных преступников порой наблюдаются отдельные признаки. Не знаю, как насчет Чикатило, его на предмет левшества не исследовали, но, например, Ряховский из Балашихи, убивший двадцать одного человека, был левшой. Педофил Головкин, который до смерти истязал мальчиков в своем гараже, был ближе к амбидекстрам, то есть практически одинаково владел обеими руками. Этот серийный насильник-убийца оказался по-своему уникальным. Специальные пробы показали, что его левое полушарие очень плохо воспринимало речь.

Левой рукой пишет первый чернокожий Президент Америки



... Курт Кобейн

Психические заболевания у леворуких иногда протекают по-другому. У доктора Введенского был больной шизофренией, который годами не вылезал из больниц, поскольку лекарства на него практически не действовали. Периоды депрессии сменялись маниакальными состояниями. Но при этом у человека не было никакого эмоционального дефекта, в состоянии ремиссии он производил самое лучшее впечатление.

Многие левши также обладают экстрасенсорными возможностями, им часто присущ дар предвосхищения. Правда, узнаем мы об этом всегда ретроспективно.

У человека немало парных органов. Глаза, уши, почки, легкие, яичники, семенники – симметричны и выполняют одни функции. Лишившись одного органа, человек сможет обойтись с помощью дублера. В этом смысле полушария головного мозга являются исключением. Они никогда не заменят друг друга.

Согласно данным доктора биологических и технических наук Вигена Геодакяна, у большинства людей левое полушарие служит для смыслового восприятия и воспроизведения речи, письма, счета, логического, аналитического, абстрактного мышления, самосознания, положительных эмоций. Оно последовательно обрабатывает информацию. Выключение левого полушария приводит к депрессии. Правое полушарие предназначено для пространственно-зрительных функций, интуиции, музыки, ситуационного мышления, отрицательных эмоций. Информацию оно воспринимает одномоментно. Выключение этого полушария приводит к эйфории. В литературе описано исследование особенностей восприятия эмоциональных стимулов левым и правым полушарием. Интересно, что один и тот же фильм был воспринят по-разному. Левое полушарие уловило неприятное и ужасное, а правое – приятное и смешное. Не только изображения, но даже слова с эмоциональной окраской воспринимаются не одинаково.

Да что слова! Группе испытуемых ученые предложили дать эмоциональную оценку запахов и рассказать о полученных ассоциациях с цветом, жестом, выражением лица, настроением. Праворукие проявили себя как большие оптимисты по сравнению с «левыми», а наиболее склонными к пессимизму оказались амбидекстры (одинаково владеющие обеими руками).

Немало леворуких среди спортсменов. Как известно, в таких видах спорта, как бокс, фехтование, теннис, левши проявляют свою специфическую тактику и создают немало проблем для соперников.

Если в творческой сфере процент леворуких и амбидекстров достаточно велик, то среди представителей технических профессий явно преобладают правши.

Существует связь леворукости с темпераментом. Например, левши отличаются большей эмоциональностью, им не всегда удается держать себя в узде. У многих, особенно мужчин, снижен уровень самоконтроля. Левша заводится с полоборота, легко впадает в гнев. Интересно, что сегодня понятие левшества трактуется несколько шире, чем раньше. Помимо руки, играют роль и другие органы: глаз, ухо, нога. Часто мы сами не подозреваем о собственной «левизне». Для определения скрытых признаков специалисты используют различные пробы, например, переплетение пальцев рук, так называемую позу Наполеона, аплодирование. Совершая привычное движение, не требующее умственных усилий, человек выбирает удобный вариант. Понаблюдайте за собой. Если вы прислушиваетесь к звукам за стеной правым ухом, заводите часы правой рукой, держите телефонную трубку в правой (кроме ситуаций, когда надо что-то записать), даже вальсируете в правую сторону – вы чистый правша. В общем, сплошная асимметрия!

Кстати, существует любопытный тест под названием «синтезированные фотографии». А именно: портрет создается только из правых или левых половин лица. Результат, как правило, ошеломительный. Право- и левосторонние лица одного и того же человека обнаруживают не слишком много сходства между собой. По тонкому наблюдению Вигена Геодакяна, «левое» лицо больше похоже на мать и сестер, а «правое» – на отца и братьев.

Весь смысл письма заключается в освоении письменной речи. Каллиграфическое письмо, которого мы так рьяно добиваемся от детей, по мнению Марьяны Безруких, бессмысленно. Почерк должен быть читаемым, и только. Американцы это давно поняли. Хотя консервативные англичане и строгие немцы по-прежнему требуют от своих детей аккуратного письма.

Леворукость становится проблемой, когда ребенок берет ручку и начинает писать. Возможно, в недалеком будущем достаточно будет сесть за компьютер с зеркальной клавиатурой и, пользуясь «левой» «мышкой», набрать нужный текст. А пока надо сознавать, что леворукий ребенок – не повод для расстройства. Даже если его ругают на каждом родительском собрании. Учитель греческого языка, не раз повторявший, что из ученика Альберта Эйнштейна никогда ничего не получится, вошел в историю только благодаря этому предсказанию...

ФОТО ИЗ АРХИВА АВТОРА

Леворукость часто идет бок о бок с незаурядным бизнес-талантом. Пример тому – Билл Гейтс

С нами тайное становится явным

Главный редактор:
Олег Анатольевич СОЛОВЬЁВ

НАД ПРИЛОЖЕНИЕМ РАБОТАЛИ:
Александр КЛИЩЕНКО, Ирина ШМЕЛЁВА

Учредитель:
ООО «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО-НЬЮПРЕСС»

Адрес учредителя:
121099, г. Москва,
ул. Композиторская, д.17

Генеральный директор:
Павел ЗВЕРЕВ

Адрес редакции:
127247, Москва,
Дмитровсое шоссе, д. 100, стр. 2
e-mail: sovsek@sovsek.com
Телефон: +7 499 288 00 72

ПО ВОПРОСАМ РЕКЛАМЫ:
Операционный директор:
Андрей КОРАБЛИН
+7 499 288 00 72;
e-mail: reklama@sovsek.com

ОТДЕЛ РАСПРОСТРАНЕНИЯ:
+7 499 288 00 89

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ОТДЕЛ:
+7 499 288 00 89

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС77-58624 от 11.08.2014г.

Интернет-версия газеты:
www.sovsekretno.ru

Подписано в печать 02.06.2020 г.
Выход в свет 02.06.2020 г.
Общий тираж: 100 000 экз.

Свободная цена.
Распространяется только в розницу.

Приложение печатается в городах:
Москва, Хабаровск

Редакция не имеет возможности рецензировать и возвращать не заказанные ею рукописи и иллюстрации.
Перепечатка материалов, их использование в любой форме, в т.ч. в электронных СМИ, возможна только с разрешения редакции.

Точки зрения редакции и авторов не всегда совпадают.

© «СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО-НЬЮПРЕСС», 2020

Импортер в Беларусь:
ООО «Росчерк»
г. Минск, ул. Сурганова, 57 Б, офис 123;
тел: +375 17 331 94 27 (41)

Дистрибьюторы Приложения:
ООО «Издательский дом «Гранд Экспресс»
Директор: Станислав ГЛУХОВ
680000, г. Хабаровск, Уссурийский б-р, 9а;
тел: +7 421 230 99 80

Отпечатано в
АО «Прайм Принт Москва»
Адрес: 141707, Московская область, город Долгопрудный, проезд Лихачевский, дом №5В

Тираж: 10 500 экз.
Заказ № 1426